ПИОНЕР

№ 11 июнь 1929 г.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

О. Б. О.

СПРАВКИ ОБ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

(ОТДЕЛЕНИЕ БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ)

КАК ПОСТУПИТЬ В ФАБЗАВУЧ

Школа фабрично-заводского ученичества подготовляет квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, кузнецов, литейщиков, граверов, ткачей и т. д.

В ФЗУ с трехлетним сроком обучения принимают с 15-летнего возраста, с двухлетним — с 16-летнего. В ФЗУ при предприятиях с вредным производством и при горячей обработке металлов принимают только с 17 лет.

Для того, чтобы поступить в ФЗУ, нужно иметь образование в об'еме четырехлетней единой трудовой школы. В центральных районах, в Москве и Ленинграде — 60% поступающих в ФЗУ должны иметь знания в об'еме семилетки; в Нижнем-Новгороде и на Урале этот процент снижен до 40.

Для того, чтобы поступить в ФЗУ, прежде всего нужно зарегистрироваться на бирже труда. Для этого на биржу труда нужно представить такие документы:

а) справку домкома о том, где живешь и на чьем иждивении находишься;

б) удостоверение от учреждения, где работают родители; в этом удостоверении должен быть указан месячный заработок родителей;

в) справку о возрасте.

Затем нужно подать заявление в приемную комиссию школы ФЗУ. Кроме заявления, нужно представить такие документы:

1) удостоверение об образовании;

2) удостоверение о возрасте;

3) справку о состоянии здоровья;

4) справку о социальном положении родителей (расчетную книжку, профбилет);

5) заключение профконсультации о профессиональной пригодности.

Подростки, уже работающие в этом предприятии, но неохваченные профобразованием, (то есть такие, которые работают, но не обучаются мастерству) и ребята из детских домов принимаются в ФЗУ помимо биржи труда.

При приеме в ФЗУ проводятся приемочные испытания по математике, родному языку и обществоведению.

КАК ПОСТУПИТЬ В ШКМ

Срок обучения в школах крестьянской молодежи — 3 года. В 1-ю группу принимают в возрасте с 12 до 19 лет.

Для поступления нужно иметь знания в об'еме школы I ступени. Но для батраков и бедняков дается послабление. Кроме того, при ШКМ организуются кружки и курсы для подготовки желающих поступить в ШКМ.

При ШКМ есть общежития. Беднейшей части школьников дается помощь трех родов:

1) обмундирование и питание; 2) только питание и 3) половина питания.

При ШКМ обычно есть мастерские кройки и шитья, домоводства и т. д.

Школы крестьянской молодежи выпускают людей, умеющих хорошо вести обработку земли. Кроме того, по окончании ШКМ, запаса знаний вполне достаточно для того, чтобы поступить в техникум.

СМОТРИ СТРАНИЦУ 4.

Адрес редакции: Москва, Центр. Новая пл., 6. Изд-во «Молодая Гвардия» журнал «ПИОНЕР»

 Отв. редактор И. РАЗИН

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ИЮНЬ
№ 11

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе. Завхозиха привозит Деме 10 руб. и Верочку. Дема предполагает, что деньги от матери и не хочет брать, но Верочка и Лиза заставляют его. Верочку помещает в семилетку, а на квартиру—к трубочисту Банкину. Игрушечная школа на общем собрании объявляет поход за железным ломом

Дема шел на Заштатную улицу, ежился и прятал за пазуху голые руки. Подойдя к мосту через речку Вондюху, он остановился. С крутого берега катались ребята на лыжах, сделанных из бочек, радостно кувыркались в снежной пене и кричали прохожим:

— Дяденьки, тетеньки, берегитесь: задавим!

Дема вспомнил Лизу.

„Она каталась с этих самых горок. Хорошо бы найти лыжи, позвать Лизку и покататься. Она говорила про какого-то Лужова, нет ли у него лыж. Раньше Лизка постоянно прибегала ко мне, теперь не ходит, знать, сдружилась с Андроновым“.

С завистью думая об Андронове, Дема начал подниматься в гору.

На полгоре ему повстречалась Лиза. В руках она несла что-то завернутое газетой. Дема решил не замечать Лизу, пройти мимо—„пусть, если хочет, подойдет сама“, подумал он. Но Лиза заулыбалась издалека.

— Ты к Верочке, на Крестьянскую?—спросила она.—Не ходи, Верочка ушла на лыжах в поле. И я хотела побежать с ней, да вот несу показать тебе эту штучку.

— Мне, а не Андронову?

— Андронов здесь ничего не поймет, он скажет. „Это нам чуждо, не нужно“. Он все время пристает ко мне с разговорами, а мне его разговоры ни к чему.

— Давно ли целый вечер проговорила?

— Ну и пришел бы. С тобой молчать можно, а с ним говори. Не люблю я его, учит всех, а сам много ли знает.

— Врешь, Лизка, врешь!

— А тебе завидно, что я разговариваю с Андроновым?

— Завидно—не завидно, а обидно, что прилипла к какому-то попугаю.

— И вовсе не прилипла, он липнет. Вот погляди,— Лиза развернула газету и подала Деме старика, вырезанного из дерева:

— Радостный странник. Лужов мне подарил.

Дема оглядел странника и похвалил:

— Хорошо. Я думал разыскивать маму, был бы таким же странником. У Лужова нет ли лыж? Спроси, и поедем кататься. Ты поедешь?

— Еще как поеду.

Условились, что Лиза вернется к резчику и будет там ждать Дему.

Дема бегал по дворам и об'являл:

— Читали в газете, что собирают железный лом. Завтра будем. Выбрасывайте все негодное железо на улицу, а мы утром заберем.

На полгоре ему повстречалась Лиза.

Кое-где спрашивали, будут ли платить за железо, и когда узнавали, что платить не будут, то говорили:

— У нас нету.

Кое-где некому было собирать его, такие дома Дема отмечал в книжке.

У Лужова оказались только одни лыжи, но Дему и Лизу это не огорчило, они решили кататься на одних.

Дема остановился впереди, Лиза за ним, крепко обхватывала его за шею, и оба летели под гору, облаком поднимая снег.

На поворотах Лиза трусила и шептала:

— Демка, тише. Демка, крепче держись—упадем.

Дема старался держаться молодцом, но иногда у Лизы соскальзывали ноги, она падала, роняла и Дему.

— Я уронила тебя, Демка. Не сердись, в другой раз я упаду одна,—говорила Лиза, но, падая, забывала разжимать руки.

— Покатай ты меня, — предложил Дема. Лиза заняла первое место, Дема обхватил ее шею,—и лыжи скользнули. Сошло удачно. Покатились во второй раз. На повороте Дема покачнулся, крепче стиснул Лизу и устоял. Внизу у речки лыжи остановились, а Лиза пошатнулась и упала в снег.

— Ты чуть не задушил меня, расстегни мне ворот,—прошептала она. Дема расстегнул ворот пальто и платья, Лиза отдышалась, вскочила и побежала в гору.

— Застегнись, простудишься,—посоветовал Дема.

— Ничего, я крепкая, ты не души меня.

— Давай я первым.

— Нет, нет, впереди интересней.

Катались, выбирая самые крутые места. Стемнело, на снег легли лунные пятна и тени. Бугорки стали казаться ямами, ямы—бугорками, лыжи неожиданно подпрыгивали, ныряли. Лиза хохотала, а Дема молча держался за ее голую шею и чувствовал, что в его зазябшие пальцы проникает теплота.

— Я сыта,—сказала Лиза и застегнулась.

— А завтра пойдем?

— Будем ходить каждый день.

Радостные, немножко усталые возвращались домой. Лиза рассказывала про Радостного странника, Дема слышал и улыбался, ему было приятно, что Лиза попрежнему была его другом, и что в пальцах у него была какая-то живая теплота.

Утром Дема со своей дружиной отправился на Заштатную собирать железо. Дружина работала весело, распевала „Марш Буденного“ и „Моряк“. К полудню Заштатная была завалена кучами дырявых ведер, труб, консервных банок, разбитых чугунов. Городской штаб к полудню обещал пригнать подводы, но подвод не было. Дема побежал в штаб.

— Подводы на Заштатную.

— Нет подвод,—отвечал дежурный, паренек из редакции уездной газеты.

— Мне обещали.

— Нам обещали двадцать, а дали на весь город пять.

— Какой же это культпоход,—Дема сел против дежурного:—поднять всех граждан, а потом... Придется железо перетаскивать во дворы.

— Может и придется.

На счастье Демы пришла еще одна подвода, он завернул ее и погнал на Заштатную. До вечера подвода свезла на станцию четыре воза, но не меньше осталось лежать на улице. Дема об'явил гражданам, что железо могут убрать во дворы. Граждане заволновались:

— Убирайте сами. Взбаламутили всех, теперь убирайте, шарамыжники.

На следующий день дружина Демы грузила железо в вагоны, а по Заштатной прошелся милиционер и приказал очистить улицу от лома. Граждан, не захотевшись очищать, он оштрафовал.

Дема сам не свой появился в городском штабе.

— Это, чорт знает, что такое, теперь появись с чем-нибудь, что скажут граждане, выгонят!

— Мы не виноваты, нам дали пять подвод, а сегодня все лошади возят муку.

— Милиция штрафует.

— Милиция нам не подчинена.

Дема обхватил ее, и лыжи скользнули.

Дема плюнул и ушел, но подобные неприятности случились во всех участках города, не только в Заштатной, и Дема успокоился.

„Не я один,—решил он.—А все же неудобно показываться на Заштатной".

В ближайшее воскресенье был вновь назначен сбор железного лома, но однажды обманутые граждане говорили:

— Пусть уж остается у нас—спокойней.

Лучше проходил сбор книг. Лиза каждый день со своей дружиной приносила по мешку. Она забирала все, что предлагали: и брошюры от 18-го года, и газеты, и лаврские листки. После основательной сортировки большая половина книг была выкинута на чердак библиотеки, и только меньшая пошла на полки. Лиза внимательно осматривала каждую книжку, запоминала интересные названия: „Пан", „Верность мужчин", „Ингеборг", прочитывала отдельные страницы и думала: „Непременно перечитаю все книги, какие есть". Особенно привлекательны были маленькие невзрачные книжечки в желтых обложках со словами:

„Универсальная библиотека"

Они под некрасивыми обложками, на серенькой бумаге хранили удивительные слова.

„Пусть идет дождь и бушует буря,—что из этого? Часто незаметная радость может овладеть тобой и в дождливую погоду, и пойдешь ты далеко бродить со своим счастьем"...

„Как-то мы набрели в стране Безмолвия на две странствующие человеческие тени".

Лиза записала эти слова в тетрадку и часто думала о них.

„Где эта страна Безмолвия?" И неопытному воображению Лизы представлялась страна, где реки бегут без шума, ветры летят неслышно, люди разговаривают между собой без слов.

Удачней всех работал Ермаков со своей дружиной. Правда, начало у него получилось смешное. Ермаков взял в ОНО адреса неграмотных и пошел по ним. В одном из домов его встретила старушка в очках.

— Что тебе нужно?—спросила она.

— Марию Степановну Лычкову.

— Я Лычкова.

— Вы неграмотны, хотите обучаться, мы обучим.

— Я, молодой человек, грамотна, пожалуй, вас поучу, раньше других учила.

— Мне в ОНО дали адрес.

— Скажите им, что Марья Степановна Лычкова тридцать лет была учительницей, а теперь живет на пенсии и больше учиться не желает.

Ермакова такая ошибка статистиков не смутила, он пошел дальше, набрал восемь человек неграмотных и каждому дал учителя из дружинников.

Дема и Лиза снова катались на лыжах. Возвращались они в девятом часу вечера, шли мимо заиндевелой лаврской стены. Лавра была похожа на ледяной дом. Лизе вздумалось зайти в Лавру.

— Сегодня кружок текущей политики,—напомнил Дема.

— Мне недолго, обойдем двор и вернемся. Теперь там никого нет и тихо.

Дема сдался.

Осыпанные инеем стояли темные корпуса и соборы, их купола терялись в густом синем небе. Было пусто и тихо, тени деревьев и могильных крестов лежали неподвижно, густые и темные будто не тени, а самые кресты и деревья.

— Где-то есть страна Безмолвия. Там верно также тихо, стоят дома, деревья, может, идут люди, бегут лошади и никакого шума. А, ведь хорошо, Демка, без шума пожить бы немного. Придет в голову что-нибудь хорошее, можно его держать без конца, никто не крикнет, не испугает.

— Такой страны нету.

— Я читала в книжке, прямо сказано „В стране Безмолвия". Книжки не врут.

Милиционер приказал очистить улицу от лома.

— Кто их знает. Тогда в той стране нету людей, человеку не смолчать, либо перессорится, либо пьяным напьется, заскандалит.

— В другой раз и без людей хорошо одному.

— Это когда стыдно.

— И не стыдно, а вот накатит такой стих, от всех бы убежал. У меня бывает.

Дема и Лиза говорили о всяческих вещах и ходили, позабыв кружок текущей политики. Только в десять вечера появились они в интернате. Андронов вел занятия. Дема постарался незаметно снять пальто, но Андронов заметил и спросил:

— Где был?

— Гулял.

— С Лизкой?

— С ней.

— Позови ее.

Лиза отказалась итти. Она читала книгу и радовалась тишине, все подруги были на кружке. Андронов бросил занятия и пошел за Лизой сам.

— Лизка, у нас кружок, — сказал он.

— Знаю.

— Брось книгу и ступай!

— Я устала, все равно ничего не пойму. И чего ты пристаешь ко мне, мало ли девчат, которые знают не больше моего. Чего ты меня одну тащишь силком? Кружок добровольный.

— Ты пионерка, тебе не простительно.

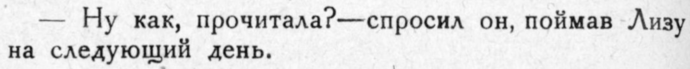
— Пионеру и отдохнуть нельзя, заняться своим делом?

— Общественное дело в первую очередь.

— Я завтра перечитаю все газеты, а сейчас не тронь меня.

— Ладно,—с угрозой в голосе проговорил Андронов. Он видел, что Лиза ускользает от него, идет каким-то своим путем и, как ретивый хозяин, был недоволен.

Лиза читала книгу и радовалась тишине.

— Ну как, прочитала?—спросил он, поймав Лизу на следующий день.

— Пробовала, скучно, прочитала всего одну статью. Я нашла интересную книжку, куда интересней твоей газеты.

— Ох, Лизка! Читать хорошо, только не все надо читать. Заведут тебя книжки куда-нибудь, вышибем.

— Тебе бы стоило почитать.

— Некогда, на каникулах буду читать. С Демкой ты поменьше водись, он неорганизованный.

— Сам же суешь его всюду.

— Оттого и сую, помаленьку переделается. Ты вот упрямая.

Лиза отвернулась и уткнулась в книгу, где описывалась страна Безмолвия.

В одиннадцать закрыли свет, но через час, когда все заснули, Лиза открыла его и достала книгу. Она просидела над ней до утра. Узин пришел будить учеников и, увидев Лизу одетой, сильно удивился.

— Ты не ложилась спать?

— Я читала.

— Всю ночь?

— Всю.

— Дай мне книгу. Я после одиннадцати буду забирать твои книги. Первое время ты будто совсем мало читала.

— Я не любила.

— А теперь всю ночь напролет, с чего это?

— Не знаю.

Лиза и в самом деле не заметила, как увлеклась чтением, от трезвого ручного труда перешла к думам про неведомые страны, про жизнь и людей, описанных в книгах. Эта жизнь, может быть никогда не бывшая, а попросту выдуманная писателями в ночное время, когда всякая жизнь засыпает, сделалась для нее привлекательней ежедневной, шумной, деятельной жизни школы, интерната и города.

(Продолжение следует).

Кузька исчез месяц тому назад. Говорят, его видели Первого мая на улицах Москвы. Это ошибка. Демонстранты видели не Кузьку, а его подвижной памятник, поставленный недавно на Тверском бульваре между памятниками Пушкина и Тимирязева. Если Кузька не вернется к следующему номеру, то в нем будет напечатана фотография памятника. Читайте следующий номер!

Приключения, которые мы спасли

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ
Рисунки А. ЛАПТЕВА

На помощь

Невозможно допустить, чтобы люди, у которых были замечательные приключения, так и забывали бы о них понемножку. Страшно видеть— сидит человек и где-то у него там в голове пропадают и перепутываются, может быть, самые интересные истории в мире.

Вот этот человек видел, скажем, Бразилию, был в бразильских лесах, охотился. Еще год назад он рассказывал о Бразилии очень хорошо. А теперь забыл. А этот человек в гражданскую войну, в горах отстреливался один от целого отряда. Теперь ему и вспомнить об этом некогда. А этот видел смерч, тайфун, Саргассово море, китайских пиратов и нигде об этом не написал.

Мы решили спасать истории, осужденные на гибель, всюду, где это возможно.

Помогите, товарищи.

Расспрашивайте, записывайте,—спасайте приключения. Все, что спасено—присылайте нам.

А я, для начала, записал то, что рассказывал нам

Александр Иванович

Я пил у знакомых чай. Все было как всегда, и гости были обычные. Только поодаль, на диване сидел необычайный человек. Человек этот был выше всех и шире всех. Шея подымалась из воротника, как столб. Лицо у него было здоровое, спокойное.

Это и был Александр Иванович.

Молчит

Александр Иванович молчал, а я смотрел на него с тоской.

Александр Иванович—капитан ледокола. Каждую навигацию Александр Иванович водит свой ледокол на тюлений промысел. Он приехал сюда всего на две недели—отдохнуть и посмотреть наш город.

Я думал: он знает льды, северное сияние, охоту на белых медведей, бури, тюлений промысел и еще тысячи вещей неизвестных нам. Да расскажи ты хоть что-нибудь. Да не молчи же ты.

Но Александр Иванович сидел на диване чуть развалившись и молчал. Его огромные плечи и руки расположились очень спокойно и как будто дремали сами по себе. А он поглядывал на нас, на окно, на самовар, на двери, на пол.

Заговорил

Случайно мы вспомнили об одной газетной телеграмме. Где-то на севере, у Новой Земли, нашли обглоданный песцами труп матроса. Рядом лежали разорванные истлевшие бумаги. Прочесть их не удалось. Кто был этот матрос, откуда он шел, какие он нес бумаги—никому теперь никогда не узнать.

И тут Александр Иванович заговорил.

Он погладил рукой губы и, глядя на пол, будто ни для кого, а сам себе, сказал:

— Да. Там оторваться—это хуже не может быть. Оторвался от товарищей—тебе смерть.—Сказал он это так просто, что все мы поняли: да, это правда. Он-то уж знает.

Мы поняли: ведь, действительно, на самом деле есть ледяные поля на тысячи километров. На тысячи километров лед лежит глыбами с дом величиной. И по этому страшному холодильнику мухой ползет один человек. Он оторвался от товарищей. Кто его найдет?

Никого живого кругом. Даже до ближайшей птицы, может быть, тысяча километров. Оторвался человек—и ему смерть.

Спокойный человек

Александр Иванович опять провел рукой по губам и опять сказал, будто нечаянно:

— Роковой человек. Роковой человек этот матрос. Погиб. А вот самоед один есть на Новой Земле. Ему девяносто шесть лет. В страшных бывал переделках, а до таких лет дожил. И живет и охотится и еще проживет. Но роковой человек. Спокойный.

— Чем же он живет?—спросил я.

— Охотой.

— Такой старик и охотится?

— Конечно. В прошлом году он было совсем ослеп. Однако, с'ездил в Архангельск, сделали ему операцию—прошло. Опять живет. Тридцать песцов убьет, пять-шесть медведей—и довольно. Что ему, старику.

— И на медведей ходит?

— На медведей он и есть главный специалист.

Случай с ним был.

Еще слепой, до операции, вышел он, понимаешь, на лед. Подышать. Ружье вместо палочки с ним. Дорогу себе ощупывает ружьем.

И вдруг слышит он—что-то неладно лед трещит. Идет медведица. Не видит старик, потому что слепой, однако, ухо у него опытное,—слышит: идет медведица, да еще с медвежатами. Зовет их.

Взял старик ружье на изготовку—и стоит. Терпит.

А медведица ближе, ближе. То тут обойдет, то там. Ведет медвежат на старика.

А он ждет.

И вдруг слышит старик—горячее. Дышит на него медведица горячим—так близко подошла. Тут старик в нее и выпалил. И убил, понимаешь. Спокойный он. Ее убил, а медвежата удрали.

Когда он молодой был, он вот что делал. Увидит медведя—и давай кувыркаться. Зверь думает: это тюлень—и бегом к нему. А он даст ему подойти—и хлоп!—стреляет в него. Сколько раз под медведем был—и ничего, вылезал. Спокойный человек.

Собаки

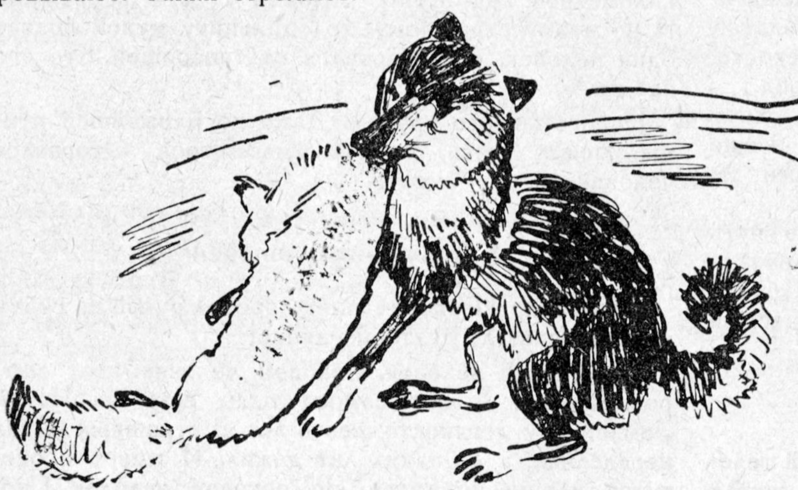
Тут Александр Иванович, будто испугавшись, что так много говорит—замолчал. А я испугался, что он замолчит совсем и спросил торопливо первое, что пришло в голову.

— А собака?—спросил я.

— Что собака?

— А с собаками там охотятся?

— Есть хорошие собаки. Одному самоеду там собака пятьдесят песцов в год приносит. Сама. Убежит—и возвращается. Волочит песца. Пятьдесят песцов. Это хозяин на весь год обеспечен. И чего только ему не давали за собаку—он не продает. А есть собаки, что только капканы да ловушки обворовывают. Таких стреляют.

Убежит и возвращается. Приносит песца.

— А на человека они бросаются?

— Никогда. Людей мало. Человек там редкость. Собака увидит человека—бегом к нему, ласкается, рада. Воров там нет, людей мало, все друг за друга держатся, дружат. Ну, собаки это и понимают и каждому человеку радуются.

Дело

Я не дал закрыть рта Александру Ивановичу.

— Еще, еще,—попросил я.

— Что же вам еще?

— А народу там сколько живет?

— Боюсь соврать, кажется, 146 человек.

— И ничего—живут?

— Ничего. Привыкают. Иные там по пять, по шесть лет зимуют. И назад не собираются. Охотятся, работают. Там главное—это дело имей. Оторвался от дела, заскучал—тебе смерть. Цынга задушит.

Остров

— Расскажите о себе,—сказал я вдруг, окончательно осмелев.

— Что же именно?—сказал Александр Иванович и поглядел на дверь.

— Ну... это... О плаваниях. В неизвестных местах бывали?

— Там это не редкость. Все почти там места такие, не очень известные. Однако, видел я и совсем никому неизвестное место.

Поволокла меня как-то погода. Несет и несет. Куда принесет—неизвестно. И вот вышли мы вдруг на остров.

Что за остров?

Нигде его нет, ни на каких картах, ни в каких лоциях его нету. Никто тут не бывал. Небольшой остров, черные скалы.

И летают над ними луни. Белые совы. Летают, летают тучей—это наш ледокол их напугал.

Сделали мы с'емки, а я, признаться, несколько в луней пострелял. Не люблю их, признаться. Кричат печально.

Олени

— Еще, еще,—сказал я.

— Что же вам еще? засмеялся Александр Иванович.—Так, ведь, не вспомнишь, когда просят. Что же вам еще?

— Что хотите.

— Ну, расскажу вам тогда опять про старика. Про самоеда про этого-то, которому девяносто шесть лет. Про себя както не вспоминается. Вот что я про него вспомнил,

Не так давно пошли охотники партией на моторном баркасе. Тогда пошли, когда уже никто не ходит, к осени ближе. И старик с ними.

Ну, погода их понесла. И носила их четыре дня. Носила их погода, носила, а на пятые сутки и выкинула на какой-то лиман.

Самоеды ободрились. Спасибо не спасибо, а все-таки—вот он берег. Тут хоть

И погнал самоед по следу оленей.

не утонешь. Пошли—и старик идет за всеми. Ровно идет, не отстает.

Народ, правда, отощал, пока носила погода-то. Идут все довольно тихо. Говорят друг с другом, нет ли, а только навряд. О чем говорить?

Ведь, по правде сказать, куда идут, сами не знают. Надеются становище встретить, на охотника набрести. Провианту мало.

Дело плоховатое в общем.

Днем идут, ночью в снег зароются, надышат—и спят в тепле.

На пятый день один кричит:

— Пароход! Пароход!

— Какой пароход?

— А смотрите, смотрите!

Он показывает на льдину. А на этой льдине еще два куска льда. А ему кажется, что это пароход с двумя трубами.

Заболел.

Идут они дальше. Сумки все легче, провианту все меньше.

Мой старик стал отставать—девяносто шесть лет. Все идут ровно, а старик так отстает, что и не видать. Разболелась нога.

На восьмой, кажется, день—кричит еще один самоед.

— Дым! Дым! Все к нему.

— Где дым?

— Вон! Вон!

Ничего не видно. Смотрят все—ничего нет: лед и небо, лед и небо. И тот, который дым увидел, сам уже не видит, где этот дым. Стоит, протирает глаза рукавицей.

Показалось.

На двенадцатые сутки старик уже всю партию задерживает. Пройдут с полчаса и его полчаса ждут. Он еле ползет. Ногу, где камень или льдина—руками перекладывает.

Тогда ему говорит старший:

— Мы тебе соберем провианту с каждого, сложим дом изо льда, ты нас подожди. Найдем помощь—вернемся за тобой.

Старик подумал, подумал и говорит:

— Мы завтра так сделаем. А сегодня пойдем, как шли, прошу тебя. Вы меня не ждите так часто. Пореже ждите. Я по следу пойду и догоню.

Пошли.

Идут час, другой—вдруг слышат—вопит старик:

— Олени! Олени!

Никто и не обернулся. Все идут дальше. Думают—заболел старик. Откуда тут быть оленям?

А он кричит еще громче.

— Олени! И нарты! Поверьте, товарищи, олени!

Остановились все. И не потому, что поверили, а потому, что очень устали. Рады каждому случаю постоять.

Оглянулись.

Прыгает следом старик—веселый, на одной ноге, и кричит:

— Олени!

Старший влез на камень, глянул—и руками всплеснул:

— Верно.

Тут и все полезли на камни. Глядят—и орут один другого громче. Скачет следом самоед на оленях. Старик-то увидел:

Что же оказалось—ехал самоед из становища в становище. Видит—след. Люди прошли. Откуда тут быть следу? Ясно—несчастье.

И погнал самоед по следу оленей. Целые сутки гнался—такой попался хороший самоед. Ну, и спас всех. И больше мне рассказывать нечего. Итти пора.

Все мы много читали о чужих странах. Так много, что кажется иной раз, будто их на самом деле и нет. Есть они на картах и в книгах, а на самом деле—нет их. Но когда рассказывал Александр Иванович, все мы, повторяю еще раз, вдруг поняли—есть. На самом деле, сию секунду, пока мы тут сидим и пьем чай—там ходят льды страшной толщины, над неизвестным островом кричат луни, старик-самоед сидит у огня.

Я нарочно старался записывать все в точности, как рассказывал Александр Иванович. Ведь он там был.

БОРЕЦ за свободу

[ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ]

Очерк В. ЧЕРЕВКОВА
Рисунки В. ЦЕЛЬМЕРА

В ТРАКТИРЕ

Это был обыкновенный трактир, каких много в приморских городах. В открытые окна входил крепкий запах береговой сырости.

В длинной комнате с низким потолком сидела за круглым столом шумная группа итальянцев. Если бы лысый трактирщик понимал хотя бы половину из того, что говорилось этими людьми, вряд ли он мирно дремал бы за стойкой. Но это был русский человек, не обязанный к тому же знать итальянский язык, так как он содержал трактир в русском городе Таганроге, на берегу Азовского моря.

В самый разгар жаркой беседы в дверях появился юноша невысокого роста с живыми глазами цвета осеннего неба в форме итальянского моряка.

Итальянцы смолкли. Моряк снял шапку, тряхнул великолепной копной медных волос и, сев в углу, с жадностью принялся за еду.

Скоро за круглым столом забыли о его присутствии. Молодой человек в черном плаще и широкой калабрийской шляпе отбросил стул и поднял руку.

— Друзья!—сказал он печально.—Вы говорите: Италия... Но разве она существует? Разве ее тело не разодрано на куски австрийцами, королями и святыми отцами церкви? И разве эти хищники не схватили за горло наш великий народ? На площади Вечного города [1] висят трупы семерых защитников свободы, повешенных на страх гражданам. Там же патеры публично секут людей, не соблюдающих постов. И это—где? В сердце нашей страны вонзились жадные когти „святейшего" папы...

Он помолчал, искривив губы и прижав руки к груди, словно унимая возникшую там боль. При первых его словах сидевший в углу моряк насторожился, и вилка у него застыла в воздухе. Потом он осторожно опустил ее на тарелку и, стиснув руками край стола, подался всем телом вперед, не спуская глаз с говорившего.

— А что делается в других городах?—продолжал тот с возраставшей горечью.—Лучшие люди томятся в подвалах... Выборные лица заменены продажными чиновниками. Вся страна, поделенная между австрийскими и французскими королями и папой, впала в страшную нищету. Народ убегает в горы и организует разбойничьи банды... В Сардинии учиться грамоте дозволяется только богачам... В Пьемонте—наш итальянский король, но разве лучше от этого его рабам—итальянцам?.. В Неаполе...

— Остановись, Кунео!—прервал его взволнованный голос.—Ты полосуешь ножом наши раны. Скажи, что же делать?

Краска залила бледное лицо Кунео. Порывистым движением он выхватил длинный кинжал из-за пояса и махнулим в воздухе.

— Вот что!—крикнул он, задыхаясь.—Восстание! Революция! Италии нет,—мы создадим ее вновь! Да здравствует великая свободная Итальянская республика!

Сильная рука легла ему сзади на плечо. Кунео обернулся. Серые глаза смотрели на него с восторгом и радостным удивлением.

— Я в первый раз слышу это,—сказал почти шопотом моряк, придвигаясь к нему вплотную.—Научи, как мне всего себя отдать революции...

От волнения он потерял голос.

— Как твое имя?—спросил Кунео, пытливо оглядывая его.

— Джузеппе Гарибальди,—ответил моряк, сияя глазами.

Это произошло в 1830 году. С этого момента Гарибальди всю свою жизнь отдал борьбе против королей и папы.

ЗА СВОБОДУ АМЕРИКИ!

Гарибальди принадлежит великая слава борца за свободу и об'единение разбитой на маленькие королевства Италии, борца за Итальянскую республику. Гарибальди был итальянцем. Но он бился не только за свой итальянский народ. Он дрался за свободу Америки и Франции.

Пьемонтский король приговорил Гарибальди к смерти за организацию революционного восстания, и он вынужден был бежать в Южную Америку. Здесь он явился к правительству Рио-Гранде—маленькой страны, восставшей против могущественного бразильского императора, и предложил ей свои услуги. Ему отдали под начало весь флот молодой республики, состоявший из... единственного крохотного

[1] „Вечным городом" называют Рим, столицу Италии.

судна, на котором к тому же не было ни одного матроса. Набрав команду из шестнадцати добровольцев, Гарибальди принялся защищать республику на море. И он защищал ее с таким успехом, что императорские суда стали бояться отходить от своих берегов.

В первой же блестящей атаке Гарибальди захватил в плен неприятельский корабль. Команда успела бежать. На корабле осталось лишь несколько негров-невольников. Гарибальди предложил им поступить к нему на службу за матросское жалованье. Негры, как по команде, подобострастно захихикали.

— Что это значит?—удивился Гарибальди (он об'яснялся с неграми по-английски).

— Мы понимаем,—с ужимками закивал головой старший из них.—Господин—веселый, господин любит шутить...

Только тогда Гарибальди сообразил, в чем дело. В Америке негры были рабами, и белые относились к ним хуже, чем к животным. Разве могли поверить эти невольники, что он всерьез ставит их наравне со своими белыми матросами?

Гарибальди так взволновался, что покраснел. Глубокое возмущение охватило его при виде этих униженных людей. Когда он, наконец, убедил их в своей искренности, негры едва не сошли с ума от восторга.

Скоро Гарибальди попал в плен. Он пытался при помощи друзей бежать, но его поймали и привели к губернатору Меллану.

— Кто вам помогал бежать? — спросил Меллан, помахивая хлыстом перед глазами пленника.

Гарибальди молчал.

— Вы намерены отвечать?—крикнул губернатор и с размаху ударил его по лицу.

Гарибальди не пошевельнулся и не открыл рта. Глаза его с холодным презрением изучали Меллана.

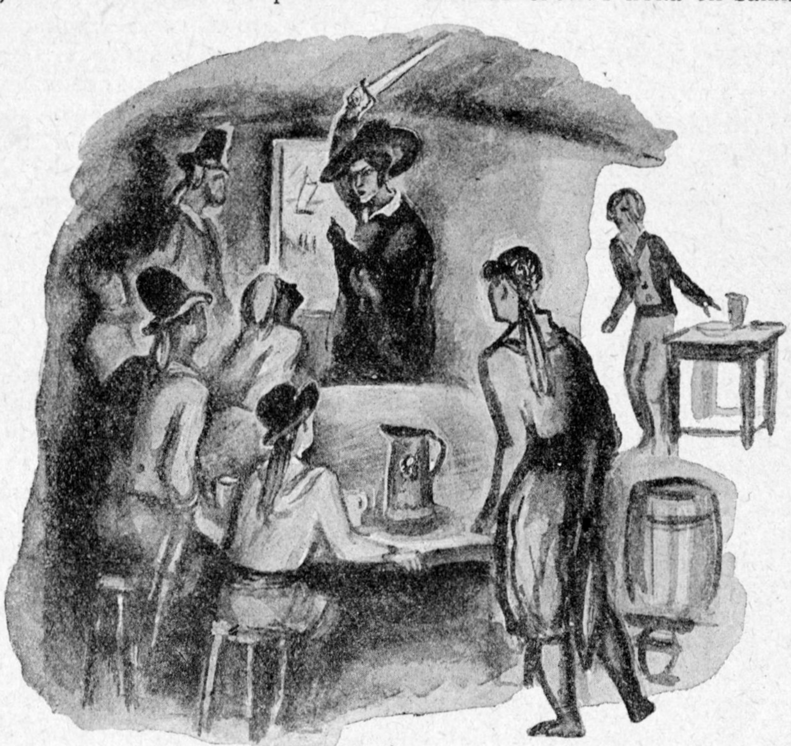
— Ах, так! — прохрипел взбешенный губернатор и обратился к страже: — Заставьте говорить этого молодчика!..

Гарибальди связали за спиной руки, прикрепили к ним длинную веревку и перекинули ее через потолочную балку. Пятеро стражников вцепились в свободный конец. Медленно поползло вверх тело Гарибальди и, качнувшись из стороны в сторону, всей тяжестью повисло на вывернутых в плечах суставах.

Меллан заглянул в налившиеся кровью глаза Гарибальди и насмешливо спросил:

— Надеюсь, вы откроете теперь рот?

— Да!—прошептал Гарибальди, с трудом разжимая губы,—вот для этого!—и плюнул в лицо губернатору.

Порывистым движением он выхватил длинный кинжал

Гарибальди долго били, но он выжил и вскоре очутился на свободе.

Двенадцать лет провел Гарибальди в Америке, помогая возникавшим республикам отстаивать свою независимость. Он совершал чудеса храбрости. Слава о нем разнеслась далеко за пределами Америки. В последние годы он был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами одной из республик. Однажды ему доложили, что захвачен в плен губернатор Меллан.

— Отпустите его!—приказал Гарибальди.—Пусть знает, что нет личных врагов у тех, кто сражается за свободу. Да поскорее! — прибавил он нетерпеливо.—А то я боюсь, что у меня нехватит силы воли держать его в своих руках и не задушить!..

«ТЫСЯЧА»

Около Италии лежит маленький угрюмый островок Капрера. С одной его стороны прямо из воды вырастает отвесная каменная стена. С другой—скалы уступами спускаются к морю. Знойный губительный ветер сирокко воет в ущельях, сливаясь с гулом прибоя. Этот необитаемый клочок земли привлек к себе Гарибальди мрачной красотой и соседством с дорогой его сердцу Италией. Вместе со своим секретарем Бассо он построил здесь небольшой домик и стал терпеливо ждать, когда Италия позовет его. А пока он занялся земледелием. Обработал участок земли под пшеницу, развел огород, насадил фруктовые деревья и виноград.

Ему не пришлось долго жить в уединении. Из разных уголков Италии стали навещать его уцелевшие революционеры. В маленькой бедной комнатушке, сблизив горячие головы, они обсуждали планы освобождения своей страны. Каждый раз после этих бесед хозяин не мог отказать себе в маленьком удовольствии,—он отправлялся со своими гостями в глубь островка, в построенный им „Ватикан“ [1] — ветхий сарай из досок. Там он торжественно представлял их старому облезлому ослу, почтительно величая его святейшим папой Пием IX [2].

Ранним майским утром 1860 года Бассо доложил неспавшему всю ночь Гарибальди:

— Готово!

Это значило, что два купеческих корабля, захваченных в Генуе, приведены в приморскую деревеньку. Гарибальди подошел к правому флангу

---

[1] Ватикан—папский дворец в Риме.

[2] Пий IX—папа, управлявший в то время Римской областью.

выстроенных на берегу волонтеров. Гарибальди уже пятьдесят три года. Серебро спорит с рыжим цветом его волнистых длинных волос. Он уже два раза побывал в Америке, изгоняемый итальянскими королями. Он уже дрался в разных концах Италии, завоевывая целые области, но предательства и измены заставляли его снова скрываться к себе на Капреру. Его белый пончо[1], овеянный славой американских и итальянских походов, не скрывает длинной красной рубашки—она задорно пламенеет ликующим ярким пятном. За эту рубашку, с которой он никогда не расстается, враги зовут его „Красным дьяволом“.

Восторженный многоголосый крик встречает вождя. Он поднимает руку. Короткое приветствие. Кивнул Бассо:

— Сколько нас здесь?

— Тысяча человек.

— Достаточно, чтобы вздуть десяток королей, не правда ли?—весело спросил Гарибальди.

Радостный рев был ему ответом. Эта знаменитая „тысяча“ скоро стала известной всему миру. С нею Гарибальди выступил в поход против неаполитанского короля, у которого были крепости, артиллерия, стотысячная регулярная армия и сильный флот. Революция шла впереди гарибальдийцев. При первой вести о их приближении население поднималось в городах и селах и свергало королевские власти. Вся Италия встрепенулась. Из многочисленных ее королевств стремились добровольцы к Гарибальди. Девять кораблей прибыли в его распоряжение. Растерявшийся неаполитанский король прислал Гарибальди письмо, в котором обещал ввести народное управление, восстановить выборные должности и „даровать“ народу всяческие свободы.

— Поздно,—сказал Гарибальди,—Мы уже требуем большего. Итальянцы хотят быть итальянцами.

Не отдыхая, он двигался к Неаполю.

[1] Пончо—американский плащ.

ДЯДЯ ПЕ

— И все-таки сегодня мы войдем в Неаполь,—упрямо сказал Гарибальди, обводя военный совет лукавым взглядом.

— Но люди валятся с ног от непрерывного похода,—попробовал возразить кто-то.

— Я сказал!

В устах Гарибальди это означало, что боевое решение принято и обсуждению не подлежит. Гремя саблями, командиры поднялись со скамей.

— Прикажете трубить сбор?—спросил адъютант Криспи.

— Наоборот. Ничем не тревожить людей.

На лицах отразилось недоумение. Гарибальди молча, чуть усмехаясь в бороду, отстегнул саблю и бросил револьвер на стол.

— Криспи! Примите от меня командование на время моего отсутствия,—спокойно сказал он.

— Что это значит?—вскричал пораженный адъютант.

— Андате![1]— рявкнул Гарибальди, и глаза его сверкнули.

Это словечко хорошо знали гарибальдийцы. Совсем недавно от него задом наперед спасался через всю комнату, ища выходных дверей, генерал, присланный для переговоров королем.

В комнате стало пусто. Один секретарь Бассо продолжал сидеть за столом.

— Хотите прогуляться со мной?—спросил его Гарибальди.

Через несколько минут они были на маленькой железнодорожной станции, находившейся в руках гарибальдийцев.

— Паровоз с вагоном—до Неаполя!—распорядился Гарибальди.

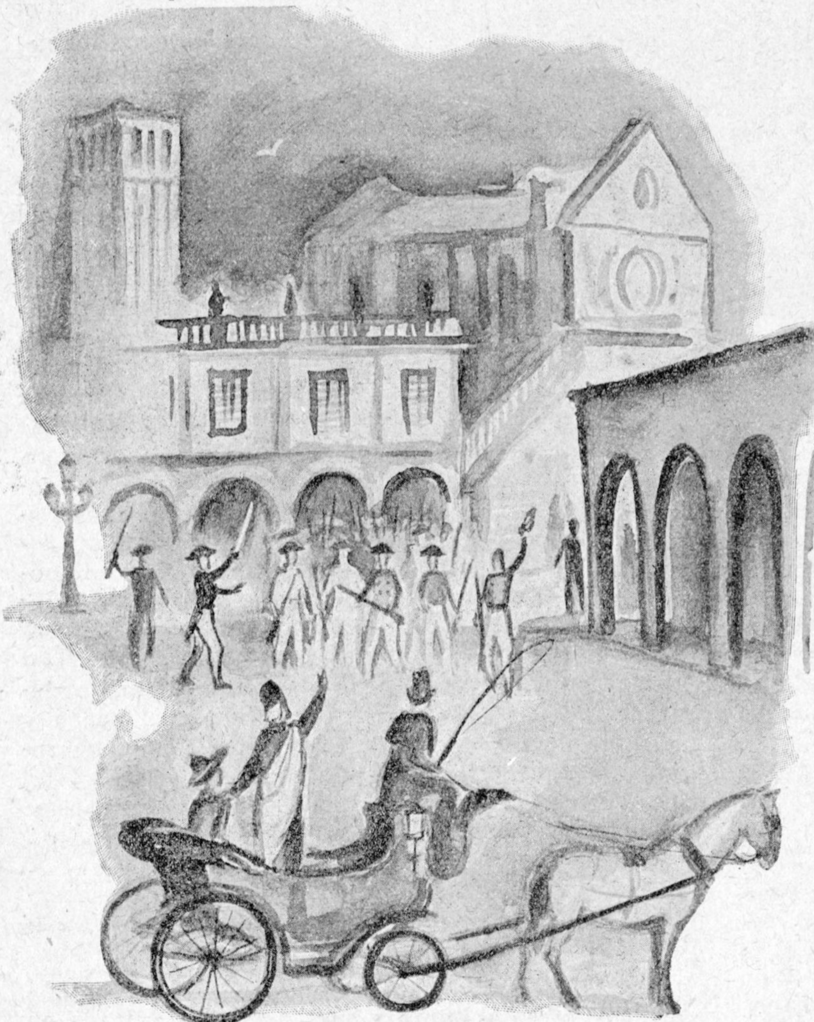
— До Не-аполя?—переспросил, не веря своим ушам, начальник станции.

— И быстро!—грозно прибавил Гарибальди, повернув его за плечи и легонько подтолкнув вперед.

С оглушительным ревом, минуя станции и полустанки, помчался необычный поезд к занятому сильной королевской армией Неаполю.

Гарибальди и секретарь спокойно прошли мимо остолбеневшего жандарма на перроне неаполитанского вокзала. Потом они сели в открытый извозчичий экипаж и поехали ко дворцу. Приблизились к казармам. Королевские офицеры, предупрежденные с вокзала о чудесном появлении Гарибальди, скомандовали к залпу. Гарибальди встал в коляске, опираясь на плечо Бассо и улыбаясь своей мягкой

[1] Андате—по-итальянски проваливай!

Гарибальди встал в коляске, опираясь на плечо Бассо.

покоряющей улыбкой. Кое-кто из солдат в замешательстве опустил ружье.

— Итальянцы!—ласково сказал Гарибальди.—Ваши ружья обращены не в ту сторону. Поберегите порох для королей, поработивших Италию.

— Эввива[1] Гарибальди! — крикнул взволнованный голос с правого фланга.

Как по команде звякнули ружья. Солдаты взяли „на караул“, отдавая честь народному вождю.

А уже повсюду хлопали двери домов, и на улицы высыпали горожане, на балконах взвивались красные флаги, и цветы дождем летели в коляску Гарибальди. Десять часов весь Неаполь дежурил под окнами дворца, откуда уже успел бежать король, и где теперь остановился „Красный дьявол“, несравненный „дядя Пе“[2]. От рева толпы дрожали стекла, и Гарибальди поминутно выходил на балкон, отвечая на приветствия. Наконец, вместо него появился Бассо и, когда стихли крики, сказал, смущенно улыбаясь.

— Граждане! Джузеппе Гарибальди очень утомлен походами. Он заснул сейчас, сидя в кресле.

— Пусть крепче спит дядя Пе!—крикнул звонкий молодой голос в наступившей тишине.

— Шш! Шш! Тише!—зашикали со всех сторон, и огромная толпа безмолвно разошлась по домам.

РИМ ИЛИ СМЕРТЬ

Овладевши неаполитанской областью, Гарибальди начал готовиться к освобождению всей Италии и прежде всего ее столицы Рима. Тут встали непреодолимые трудности. Ему угрожали прекрасно обученные регулярные армии иностранцев, снабженные огромными запасами боевого снаряжения. Гарибальдийцы же представляли собою партизанское войско, сильное своим энтузиазмом, но в большинстве своем неумело обращавшееся с оружием. В таких условиях вести борьбу было немыслимо и Гарибальди для достижения своей цели решился на крайнее средство. Он заключил союз с единственным итальянским пьемонтским королем Виктором-Эммануилом.

Но он ошибся в своих расчетах. Пьемонтский король занял своими войсками неаполитанское королевство, но не подумал итти на Рим, он предложил Гарибальди звание маршала, один из королевских дворцов и роскошное поместье.

Потрясенный Гарибальди с негодованием отказался от всего, взвалил мешок с бобами для пропитания на плечи и огорченный удалился на свою Капреру.

— Рим или смерть!—это был лозунг Гарибальди, прозвучавший с маленького острова по всей Италии.

За Гарибальди королем было установлено наблюдение.

Четыре корабля день и ночь дежурили у скал Капреры. Народный вождь, о котором во всех уголках Италии распевали песни, оказался в плену у короля. Ему запрещено было покидать остров.

В октябрьскую ночь 1867 года над Капрерой разразилась буря. Яростно гудело море, хлестал землю дождь и стояла непроницаемая мгла. Привязанный к берегу сиротливо бился на волнах рыбачий челнок. Он так мал, что только одному можно поместиться в нем. Когда перевалило за полночь, сильная рука притянула его к береговым камням. На дно упал

Челнок поплыл мимо сторожевых кораблей.

белый пончо, и на него лег человек. Плеснуло весло. Челнок поплыл мимо огоньков сторожевых кораблей

Кому могло притти в голову, что в бурную ночь шестидесятилетний старик, имеющий на теле девять ран, способен пуститься в море в такой скорлупе.

Челнок пристал к Италии. Взволнованные друзья радостно приняли Гарибальди на руки. В несколько дней воззвания, подписанные дядей Пе, собрали волонтеров. 20 октября „красные рубахи“ перешли границу папских владений в римской области и, разбив его войско, заняли предместье Вечного города.

Гарибальди надеялся своим примером зажечь всю Италию. Но Виктор-Эммануил во-время принял меры. Грозный приказ запрещал населению поддерживать Гарибальди.

Гарибальди был арестован и снова свезен на Капреру. Корабли оказались ненадежными. Теперь на самом острове водворились жандармы.

В осажденном Париже 18 марта 1871 года пролетариат берет власть в свои руки. По всему миру разносится весть о первом рабочем правительстве—Парижской Коммуне. Но уже 21 мая белая французская гвардия, заключив мир с немцами, врывается в Париж.

Буржуазия всех стран обливает коммунаров потоками грязной клеветы. Гарибальди в числе немногих выступает на защиту.

Английской рабочей делегации, явившейся приветствовать его, как борца за свободу, Гарибальди сказал:

— Рабочих всех частей света я называю своими братьями.

Гарибальди прожил еще одиннадцать лет. Последние годы его жизни прошли в болезнях и страданиях от старых ран.

---

[1] Эввива—по-итальянски—да здравствует.
[2] Пе—уменьшительное имя от Джузеппе.

БУМЕРАНГ

ИЮНЬ — ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ — № 11

Об Альбомах

1 Мая была я на демонстрации. Прошел наш отряд через Красную площадь. Вышли мы на набережную—вдруг вижу на другом берегу Москвы-реки движется автомобиль, а на нем сидит громадный Кузька.

Я скорей к вожатому:

— Петя, позволь мне из строя уйти.

— Тебе зачем?

— А вот видишь, Кузька там едет.

КТО СКОРЕЕ?

Ну, вожатый меня отпустил, и я скорей пустилась бежать к Каменному мосту. Туда же по другому берегу катил автомобиль с Кузькой. Так как автомобилю мешали ехать другие автомобили и колонны демонстрантов, а мне никто не мешал, то я добежала до моста раньше. Потом подъехал автомобиль. В автомобиле сидели ребята из отряда «Молодой Гвардии» и секретарь «Пионера». Увидел меня секретарь и кричит:

А, Маруся, лезь скорей сюда!

Я так запыхалась, что ничего ответить не могла! Подошла к автомобилю, давай забираться, но ко мне протянулись сверху десятки рук, и я в одну секунду оказалась в автомобиле! Мы ездили до вечера, разбрасывали листовки.

Когда стали расходиться, секретарь сказал мне, чтобы я как-нибудь на днях зашла в редакцию.

Ну, я и зашла туда 7 мая.

Получила я несколько заметок об альбомах, села и давай их читать.

СОБРАЛИ И УНИЧТОЖИЛИ

Пионер Катышев пишет, что совет их отряда постановил собрать альбомы! Пионеры с этим согласились, принесли свои альбомы и мы их уничтожили.

Все это, по-моему, хорошо, но только кто может поручиться, что пионеры этого отряда снова не заведут альбомов. Нужно хорошенько объяснить ребятам про ненужность альбомов. Плохо еще и то, что Катышев не написал, какой это отряд.

БАЗАР

Пионер Кузнецов пишет, что в 19 школе ХОНО (в Москве) у большинства ребят есть дневники. На уроках девочки и мальчики пишут друг другу в альбомы, отнимают их друг у друга, поднимается крик, гам, и урок превращается в базар.

ЗАВОДИТЕ АЛЬБОМЫ!

Пионерка отряда «Красный дозор»—Валя Савельева (с. Солоновки, Бийского округа) пишет, что альбомы нужны, но только не надо писать в них всякой ерунды и рисовать цветочков. В альбомах надо записывать пионерские песни, частушки и т. д.

Я думаю, что Валя совершенно права, такой альбом мог бы принести пользу.

ГЕУХЕРОВ—МОЛОДЕЦ!

Из Ростова-на-Дону деткор Геухеров пишет, что у них в школе у пяти девочек были альбомы. В альбомах были написаны стишки вроде такого:

Душа дана, чтобы молиться,
Сердце дано, чтобы любить.
Но нужно знать—кому молиться
И нужно знать—кого любить».

Геухеров стал убеждать этих девочек, что альбомы совсем ненужная и глупая вещь и предлагал им сделать альбомы рисунков. Девочки долго не соглашались с ним, но одна все-таки послушала... совета. Ее альбом понравил...льным девочкам и они стал... альбомы рисунков.

Геухеро...одец, он поступил очень де...и я шлю ему свой пионерск...ет!

МИЗ...ВА и ЗОБОВА

В Сухи... в отряде им. т. Буденного е...е пионерки—Мизертова, Л....а. Они активистки—одна вож...ка, вторая ее помощница. И о... очень плохие пионерки: звено... не работает, а сами они на ур... пишут глупые записки мальчика...ют до поздней ночи и т. д. Ш... этого звена прислали нам два «...та» их деятельности: письмо М...вой к какому-то Коле и обрыво...ытки.

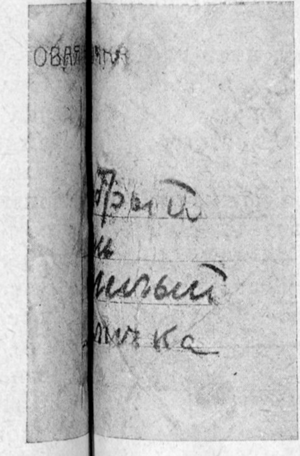
Ребята...шут, есть ли у Мизертовой и ...ой альбомы, да это и неважно...ому что и без альбомов они «хороши».

Все-так...но, ребята, проводим мы куль...бытовые походы, в которых ...уют и школьники и пионеры, ...амих у нас, в наших рядах, все...рянь есть: альбомы, глупые ...и, бездельничание и т. д.

МАРИЯ ГУБКИНА

ЭКСПОНАТ ИЗ СУХИНИЧ...

Плоды трудов Мизертовой (общий вид с... сторон).

Ночевка в лесу

Рассказ деткора П. СУББОТИНА

Я проснулся от необ'яснимого предчувствия большой опасности: на лбу у меня выступили холодные капли пота. Кругом было тихо. Изредка до меня доносился глухой, приглушенный расстоянием, крик филина, да чуть потрескивал наполовину потухший костер.

Темнота—хоть глаз выколи, дальше светлого круга от костра не видно ни зги. Вокруг темной громадой стоял спящий лес. Около костра вповалку лежали мои товарищи, спавшие крепким сном. Я и мои товарищи, ученики 6-й группы, отстали от экскурсии и, заплутавшись в прибрежном лесу реки Уфы, вынуждены были заночевать одни.

Удостоверившись, что никакой опасности не предвидится и назвав себя дураком за бессмысленные страхи, я приготовился снова заснуть.

В это время из-за бесформенной массы облаков выкатилась луна, осветив поляну и рядом лежащее озеро. Я перевел взор на противоположную сторону озерка и... волосы зашевелились у меня на голове от страха. Резко выделяясь на сохранившемся еще снегу, по берегу двигалась странная фигура в черном. В руках она держала большую палку, похожую на лом. Эта фигура, медленно двигаясь, приближалась к нашему костру.

Я начал расталкивать ребят.

Несколько минут мы в оцепенении смотрели, как таинственное существо приближалось к нам.

— Кто идет? — крикнул дрогнувшим от волнения голосом Володя. Из горла неизвестного вылетело какое-то рычание, пересыпаное отборной бранью. Рычание сопровождалось весьма недвусмысленными взмахами большой палки. Кто это: бродяга, сумасшедший?.. Но долго раздумывать не приходилось.

Наступил момент, когда нам оставалось или бежать в лес или защищаться. Схватив суковатую палку, я бросился на неизвестного, за мной последовали трое ребят и Володя.

Володя размахнулся и ударил незнакомца по спине. Он обернулся и с громким ругательством занес свою блестящую палку над головой для удара. Володя ...размахнулся, но, поскользнувшись на мо...траве, упал. В ту же секунду моя палк...стилась с палкой незнакомца, раздался зв...него лом“,—мелькнула мысль. Если ра... мы думали, что имеем дело с привиден...и с какой-нибудь нечистью, то теперь у...едились, что это вполне реальное сущес..., осмелев дружно бросились на незнаком...ез минуту он уже барахтался на земле по...н. В ожесточении мы наносили сильные у... руками и ногами по телу неизвестного.

— Ну, довольно, реб...атит с меня. Так вы еще чего доброго д...усмерти заколотите,—услышал я глухой ...нашего врага.

* *

— Ох и черти же вы...ко, чуть мне всю рожу не расквасили,—с...я, сидя у нашего костра, неизвестный, он ...торож с мельницы находившейся недалеко...ывается, он надел вывернутый черный по...ок и захотел нас немного попугать. Мы ... провели остаток ночи, болтая о всякой ...е, о сне никто и не думал после такого ...лючения. Утром наш новый знакомый ...зал нам дорогу в лагерь.

Не могу я, братцы, ни есть, ни пить.
Думаю над вопросом— «кем бы мне быть».
Освещался и в «Пионере» этот вопрос,
Читал я заметки и повесил нос.
Призадумался немножко:
«А какова будет твоя дорожка?
В какую сторону ты потянешь?
Кем станешь?»

Способностей у меня—до чорта,
И все самого разного сорта:
Ярый защитник СССР,
Всех видов инженер,
Бумагомаратель—
поэт и писатель,
Артист—
Комик, сатирик и куплетист,
Танцор, музыкант
(по этой части немного слабый талант),
Художник, певец,
Стихов чтец
(т. е. декламатор),
Оратор,
Спортсмен по всем видам спорта
И еще всяких наклонностей до чорта...

Мысли мои путаются в смятении,
Терзают меня сомнения,
И очень я прошу совет дать—
Кем мне стать.

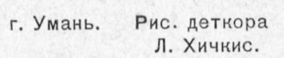
г. Умань. Деткор «Валь Гер».

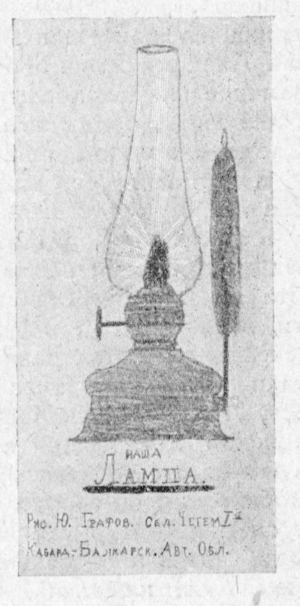
КОНКУРСНЫЕ РИСУНКИ

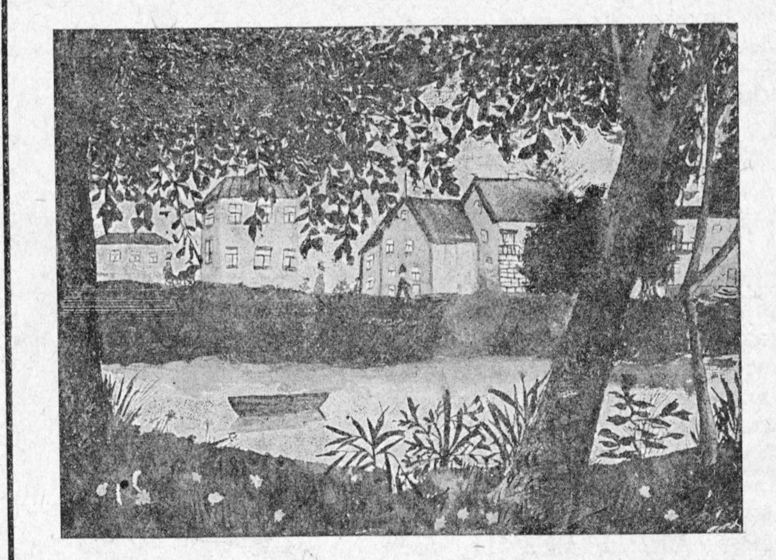
с. Костеничи. Рис. деткора Ф. Голенок.

г. Умань. Рис. деткора Л. Хичкис.

с. Чезель Рис. деткора Н. Градова.

Москва. Рис. деткора Вали Ворониной.

СОРОК ТЫСЯЧ ДУРАКОВ

Фельетон Б. ВИРКИНСА.
Рисунки М. ГОРШМАНА.

Иван Александрович попрощался с невестой, будущей теще ручки поцеловал, облобызался с будущим тестем, натянул перчатки, сел в коляску и покатил.

Вихрем несется тройка, заливаются звонкие бубенцы, Иван Александрович Хлестаков подпрыгивает на ухабах. Он отбыл в далекий путь.

Куда несет его тройка, где остановит она свой бег, кого еще Иван Александрович очарует своими манерами, осчастливит рассказами о столичной жизни, сколько еще дураков сочтут за счастье услужить ему, одолжить ему деньги. Мы ничего этого не знаем. Мы ничего не знаем об Иване Александровиче Хлестакове с тех пор, как он простился с будущими родственниками и уехал из города, от которого, хоть три дня скачи, ни до какого места не доскачешь. Он уехал. На этом кончилась комедия „Ревизор".

А кончился ли Иван Александрович? Не кончился Иван Александрович. То там, то здесь мелькнет его столичное платье, послышится его голос, останутся добрые люди, обманутые Иваном Александровичем.

Следы его похождений тянутся сквозь десятилетия, в 1850 году его видели в городе Лебедяни, он снова встретился с капитаном и снова проигрался ему в пух и прах, в 1887 г. он опять в Петербурге. Двадцатью годами позже его видели сразу в двух местах, потом он стал появляться одновременно в пяти, в пятнадцати, в двадцати пяти местах. Иван Александрович стал размножаться, как будто его печатали в тысячных тиражах. Иван Александрович здесь, Иван Александрович там. Здесь он молодым человеком лет двадцати трех-четырех бесплатно раз'езжает на трестовском автомобиле, там он сорокалетний, вот он в юнгштурмовском костюме, вот в пионерском галстуке. Куда ни глянь, всюду Иван Александрович. Сквозь любой костюм, любую прическу, любой возраст видны его неизменные черты и сорок тысяч курьеров скачут при его появлении по разным адресам, по любому поводу.

Не умер Иван Александрович Хлестаков, несмотря на свои сто с хвостиком лет и жить продолжает и умирать не собирается.

Именно поэтому нужно узнать его повадки, его манеру действовать и при первом подозрении хватать за что придется: за фалды пиджака, за хлястик от шинели, за пионерский галстук.

— Вы Иван Александрович Хлестаков? Из „Ревизора" выскочили? Гоголевский тип? Давайте объяснимся... И пусть Иван Александрович доказывает, что зовут его Афиноген Мартынович, а фамилия не Хлестаков совсем, а Дормидонтов—не верьте ему. Это он переодетый, в другой прическе, в новых ботинках и новой шкуре Иван Александрович Хлестаков—гоголевский тип.

Недавно Иван Александрович и в Москве побывал и был он в это время пионером и фамилия его была Раппопорт.

Раппопорт называл себя деткором „Пионерской Правды" и не врал, потому что всякий пионер, который пишет в журнал, сразу становится деткором. Деткором так же легко стать, как и пассажиром. Влез в трамвай, заплатил восемь копеек—вот и пассажир. Написал заметку, послал в журнал—вот и деткор.

Раппопорт пришел в ВСНХ и сказал:

— Я деткор из „Пионерской Правды", к нам приехала делегация из-за границы, нужно ей Москву показать, по этому случаю дайте-ка автомобиль—у вас много.

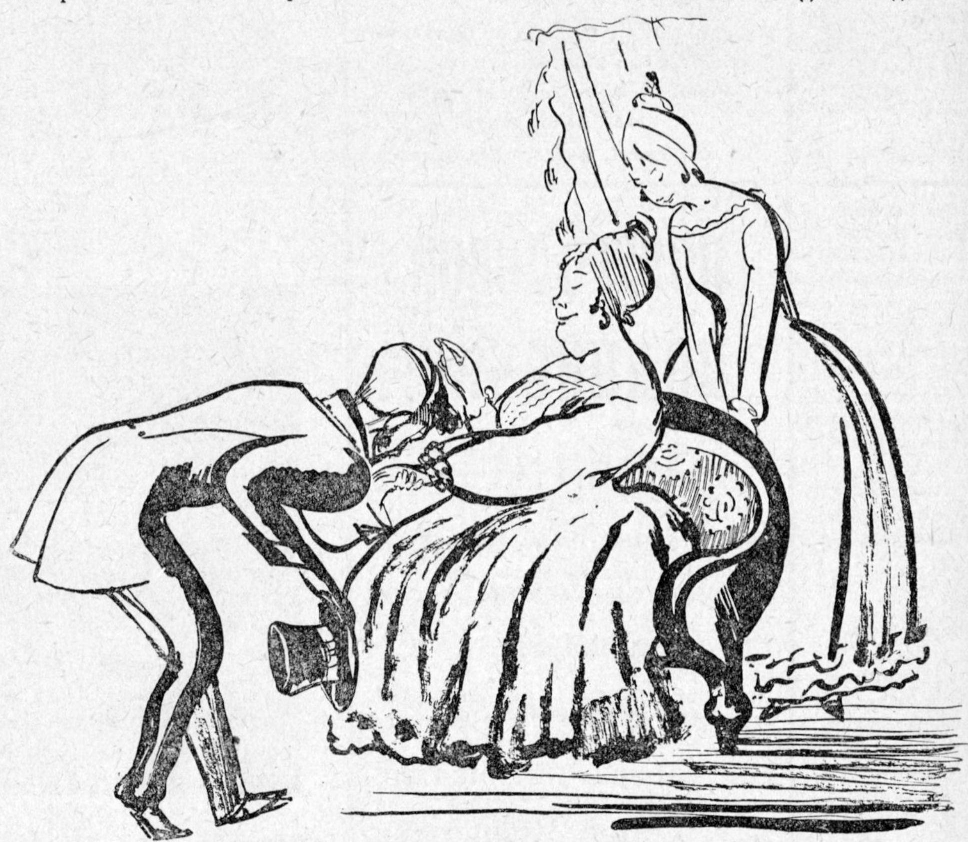
Дали Раппопорту автомобиль, он катался на нем целый день, как Хлестаков на чужой... тройке и товарищей катал. Много всяких штук проделал Хлестаков-Раппопорт, но попался на одной.

Захотел он получить бесплатный билет, чтобы по железной дороге бесплатно ездить, пришел в Моссовет, а там догадались позвонить в редакцию.

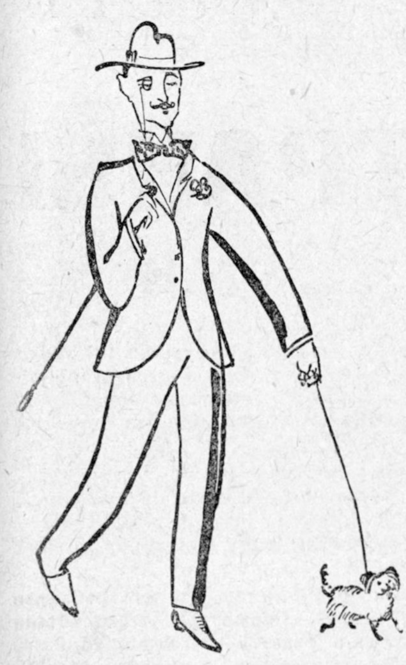
Скажи такому Раппопорту, что он Хлестаков, обязательно станет отпираться.

— Я,—скажет,—Раппопорт, или чужую фамилию назовет—Лебедев, например. Но мы-то знаем, какие бывают Хлестаковы.

В каждом отряде, в каждой школе, в каждом учреждении есть свой Хлестаков. Сидит-сидит—

Иван Александрович прощается с будущей тещей.

В 1887 г. он в Петербурге.

пишет-пишет, а потом придет в другое место и заявит:

— Я-де главный Метрогафон СССР за границей—ко мне все почтальоны письма приносят.

Слова такого „Метрогафон“ нет, но Хлестакову поверят и деньги взаймы дадут, и накормят, и в автомобиле бесплатно покатают.

Сто лет тому назад замечательный писатель Николай Васильевич Гоголь показал в комедии „Ревизор“ мелкого чиновника, пустобреха и хвастуна, он дал ему имя Хлестакова.

И Хлестаков стал жить, несмотря на то, что выдумал его писатель, несмотря на то, что города, которым правил городничий, никогда не было и самого городничего не было никогда.

Почему же выдуманный человек стал таким живучим, пережил всех своих современников и нас должно быть переживет?

Очевидно потому, что очень уж много людей с хлестаковскими характерами, очевидно, потому, что Гоголь собрал в Хлестакове черты живых людей, которых он видел вокруг себя. Хлестаков не умер, очевидно, потому, что сделан из материала более прочного, чем мясо и кости. Гоголевские типы строил хороший мастер, хороший писатель, который умело обобщил в одном человеке особенности целой группы людей.

А как по-вашему, можно ли было очень строго относиться к Хлестакову тогда, в гоголевское время? Как хотите: по-моему, не очень строго. Бездельник он был и плут и легкомысленный человек. Он сам про себя говорит, „У меня легкость в мыслях необыкновенная“. Ведь думать-то ему едва ли приходилось. Существование его было бесполезно, жил он присосавшись еще одной пиявкой к крепостной мужицкой спине, которая работала на бар, на дворян, на помещиков.

Иван Александрович помолодел.

Среди городничих, судей Ляпкиных-Тяпкиных и прочих управителей города, описанного в „Ревизоре“, он был не самый худший.

Однако, Хлестаков и до нашего времени добрался и пытается проделывать те же штуки, что и сто лет назад, и находятся советские дураки, которые верят ему и одалживают деньги и дают бесплатно государственные автомобили.

Надо ловить Хлестаковых, где бы они ни были, надо предавать их на общественный суд и так стукнуть по загривку, чтобы у Раппопортов отпала охота повторять хлестаковские штучки.

А советским дуракам надо перечитать Гоголя. И не только дуракам, умникам тоже полезно.

Все он же.

Больше ста лет путешествует Иван Александрович. Нет театра, где не была бы представлена пьеса о нем, нет библиотеки без сочинений Гоголя, нет школы, где не проходили „Ревизора“ и все-таки находятся люди, которые принимают Раппопорта за редактора „Пионерской Правды“, а проезжего проходимца за председателя ЦИК Узбекистана т. Файзуллу Ходжаева. (Был такой случай, когда какой-то мошенник выдавал себя за пред. ЦИК Узбекистана. Его приняли с распростертыми об'ятьями, дали денег на дорогу и проводили с музыкой и речами).

Юнгштурмовский костюм не меняет Ивана Александровича.

В гостях у городничего Иван Александрович рассказывал, что сорок тысяч курьеров искали его по приказанию самого министра для того, чтобы назначить начальником департамента. Городничий верил, потому что, как же не верить начальству, не бояться его, не трепетать перед ним?

И сорок тысяч дураков, которых Ивану Александровичу наверняка удалось об'ехать за сто лет, тоже верили ему, боялись его и трепетали перед ним.

Не было бы чиновников-бюрократов, не было бы рабского страха перед начальством, что делал бы Хлестаков, Хлестаков-Раппопорт и все остальные хлестаковы?

На чиновничьей глупости, на подхалимстве вырос и воспитался Иван Александрович, и он будет жить пока живы чиновники-бюрократы и сорок тысяч дураков. Но мы постараемся выгнать подхалимство, уничтожить бюрократизм, дураки быть может сами догадаются поумнеть, и тогда Иван Александрович останется только на полках библиотек. Там ему и место.

ОКОШКО ВО ВСЕ СТРАНЫ

ЛАТИНСКИЙ АЛФАВИТ

«Тивафла йикснитал»—так прочтет с непривычки турок, которого переучивают читать слева направо, вместо того, чтобы читать справа налево. В арабских, турецких, татарских книгах читают не справо налево, как у нас, а наоборот. Письменность у большинства тюркских народов—арабская.

Арабский алфавит очень неудобен, выучиться ему трудно, поэтому в восточных странах очень много неграмотных. Кроме того, даже грамотные отстают от культуры, потому что большая часть литературы написана латинским алфавитом, и арабу или тюрку латинский алфавит дается труднее, чем нам.

Почти во всех советских автономных республиках, где употребляли арабский шрифт, переходят на латинский. Грамотным по-арабски этот переход труден, поэтому некоторые газеты—в Татреспублике, например—печатаются частью латинским, частью арабским алфавитами. Сейчас поговаривают о том, что хорошо бы всему СССР перейти на латинский алфавит. Говорят, что так удобнее. И, правда, переписываться с западными пионерами, например, стало бы легче.

Пока, впрочем, это только проект, его будут долго и тщательно обсуждать.

В Турции тоже пишут арабскими буквами. Теперь, однако, там издали закон о переходе на латинский алфавит, и всех заставят переобучаться. На фотографии снято, как переписывают старые вывески в Констонтинополе. Обратите внимание на арабский шрифт на верхних плакатах.

ТРЕБУЮТСЯ ЗУБНЫЕ ЩЕТКИ

Неизвестно, что бы сделал отец или дед Вахиты, если бы вы десять или пятнадцать лет тому назад предложили ему зубную щетку. Может быть, он повесил бы ее на шею в виде украшения, может быть, поставил бы у себя в юрте вместо бога, а, скорее всего, он бы просто выбросил этот никому ненужный предмет. Съесть его нельзя, а стрелять из зубной щетки белых медведей еще никому не приходило в голову. Вахита—маленький самоед. Он умеет обращаться с оружием. Ружье—единственная машина в снежных просторах северных стран. В школе, однако, Вахита научился обращаться с новым оружием—зубной щеткой, из которой нельзя убить белого медведя, но можно завоевать здоровые зубы. Книгой, газетой, мылом, зубной щеткой вооружает Вахиту советская школа.

ЧИТАТЕЛИ ПИОНЕРА

на севере, на юге, на западе, на востоке! Шлите заметки и фотографии обо всем интересном, что делается в вашем городе, деревне, кишлаке, ауле, селеньи, становище.

Редакция „Пионер“. Окошко во все страны.

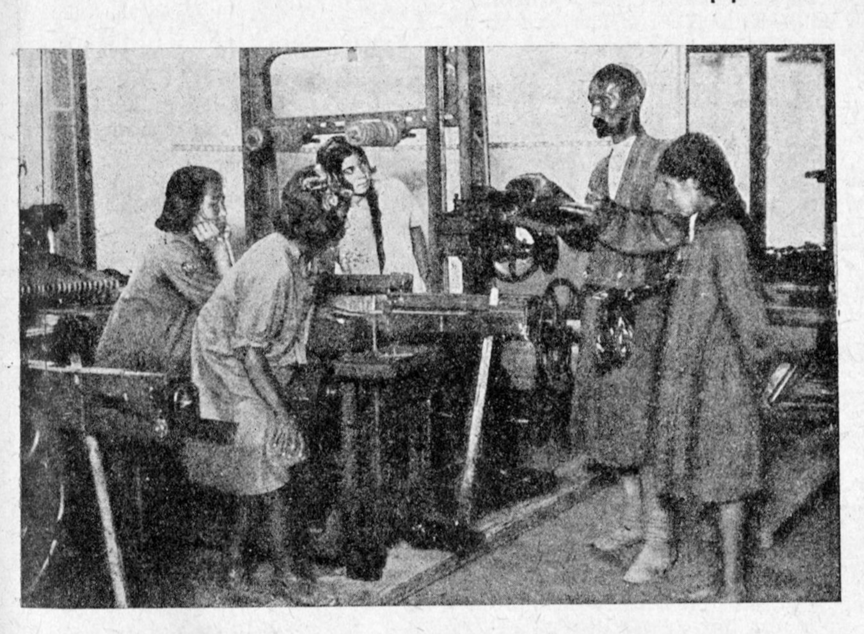
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ НА АЛТАЕ

От Москвы гораздо ближе до любой столицы в Западной Европе, чем до Алтайских гор, которые находятся в Советском Союзе. Алтай—дикая горная страна. Книге и газете очень трудно добратся туда. Редко заглядывает в Алтайские дебри фотографический аппарат.

На Алтае до сих пор сохранились языческие верования, которые заставляют алтайцев приносить в жертву живых лошадей. В живую лошадь вcаживается огромное заостренное бревно. Конец бревна с лошадью поднимают высоко вверх и укрепляют на деревьях. Жертвоприношение—отвратительный обычай который будет уничтожен книгой, газетой, школами.

НОВАЯ ПОРОДА ЗАЙЦЕВ

Ученым зоологам неизвестно, что на свете появилась совершенно новая порода зайцев. У зайцев глаза не косые, уши меньше. Ростом они много больше и вообще на прежних зайцев непохожи. Зайцы эти водятся исключительно в Советском Союзе, а полное их наименование—советские фабзайцы. Наиболее догадливые из читателей, очевидно, уже сообразили, что речь идет об учениках школ фабрично-заводского ученичества.

Школы ФЗУ созданы по почину ленинского комсомола. Таких школ нет и не может быть в капиталистических странах—это одно из больших достижений Советской страны.

Поезжайте в Узбекистан. Пройдите по улицам городов и кишлаков. Вы увидите женщин у которых лица прикрыты отвратительной черной волосяной чадрой. Подстрекаемые муллами, фанатики убивают женщин, посмевших снять чадру.

Зайдите в школу ФЗУ в Узбекистане, посмотрите, учатся уже без чадры и часто в пионерских галстуках девочки-узбечки, и вы поймете, какое великое завоевание сделали комсомол и советская власть.

АВСТРАЛИЙСКИЕ ЭКЗАМЕНЫ

Австралийское солнце жжет неимоверно. Оно такое горячее, что кажется будто изжарить яичницу не стоит никакого труда, стоит только сковороду повернуть поудобнее. Во всяком случае немного из вас могли бы, без опасности для жизни, прогулятся по такому солнцу. Оно поджаривает, припекает, жжет и мучает человека. К нам солнце никогда не поварачивается тем свирепым лицом, которым оно светит в Австралии.

Под этим зверским солнцем молодые австралийцы сдают экзамен на вступление в жизнь взрослого человека. Для того, чтобы стать взрослым охотником, равноправным членом племени молодому австралийцу нужно перенести много тяжелых испытаний. Одно из них вы видите на фотографии рядом. Молодой человек должен пролежать целый день под солнцем без еды и питья.

Не все выдерживают это тяжелое испытание некоторые умирают и остаются лежать рядом с более счастливыми товарищами.

КИП

ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР

№ 8

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ.

(Из устава КИП'а)

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

ФАБРИКА НА СТОЛЕ

ФАБРИКА КРАСОК

1. СЫРОЙ МАТЕРИАЛ

Наступает лето. Скоро в траве запестреют цветы. Пройдет еще немного времени, и на кустах заалеют ягоды. Сколько красок, сколько удивительных оттенков! Что если бы все эти краски собрать и расцветить ими наши платья, рубашки, платки, галстуки! Взять у ромашки ее зеленоватую желтизну и выкрасить в защитный цвет рубашку, выжать из волчьих ягод их красный сок и выкрасить им платок, отнять у голубики ее синеву и отдать ее платью.

Но разве это возможно?

Отчего же нет! Почти из всякого растения можно добыть краску. Цветы, ягоды, листья, кора—это сырье, из которого можно получить краски самых различных оттенков. Нужно только знать, как такую растительную краску делать и как ею красить.

ОБОРУДОВАНИЕ ФАБРИКИ НА СТОЛЕ

2. КАКИЕ КРАСКИ МЫ БУДЕМ ДОБЫВАТЬ

КРАСНУЮ КРАСКУ дают волчьи ягоды. Но брать надо не самые ягоды, а ветки с молодыми листьями до цветения.

ЖЕЛТУЮ КРАСКУ дадут нам лук (перья с луковиц) и сухая ромашка. Сушить ромашку надо в теплом месте, но не на солнце.

РОЗОВЫЙ ЦВЕТ даст нам береста,— тот тонкий слой бересты, который лежит под самой корой. Сдирать ее нужно с березы весной.

КОРИЧНЕВУЮ КРАСКУ мы добудем из молодых веток и листьев ольхи.

ГОЛУБУЮ КРАСКУ мы получим из сушеной голубики или черники.

3. ОБОРУДОВАНИЕ ФАБРИКИ

Для нашей фабрики красок понадобится очень простое оборудование: два чистых глиняных горшка, полотняная тряпочка, жестяная воронка и несколько бутылок. Хорошо также раздобыть безмен или весы, но, в крайнем случае материалы можно отвешивать не дома, а где-нибудь по соседству, в лавке.

4. КАК ГОТОВИТЬ КРАСКУ

Чтобы добыть из сырого материала краску, мы будем отваривать его в воде. Красящее вещество растворится, получится раствор краски в воде. На каждые 100 грамм материала (листьев, коры, ягод) надо брать бутылки две воды.

Работу мы будем вести так. Положим отвешенный материал в горшок и зальем отмеренным количеством воды. Поставим горшок на плиту и дадим нашему «супу» повариться часа два-три.

Темный отвар сольем в другой горшок, а материал снова зальем водой и поварим его еще часа два. Второй отвар сольем вместе с первым и процедим сквозь тряпку. Получится прозрачная окрашенная в тот или другой цвет жидкость.

Это еще не краска, в ней слишком много воды. Чтобы выпарить лишнюю воду, поставим отвар снова на плиту и поварим. Часть воды выкипит, и от этого краска станет гуще. Снимем ее с плиты, дадим остыть и разольем по бутылкам.

На каждую бутылку наклеим этикетку с надписью, например:

ОТВАР ЛУКА—ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ

Пусть вас не смущает, если отвар лука получится не желтый, а вишневый. Когда вы будете красить ткань, окраска получится не вишневая, а желтая или светло-коричневая.

Когда красят растительным отваром, окраска получается несколько другого цвета, чем сам отвар.

5. КАК КРАСЯТ РАСТИТЕЛЬНЫМИ ОТВАРАМИ

Если вы просто положите кусочек ситца или полотна в отвар, краска плохо пристанет к ткани. И вы будете меня ругать: что же это за краска, которая не красит!

А все дело в том, что, прежде чем ткань красить, надо ее протравить, пропитать «протравой».

Что же такое протрава?

Протрава—это такое вещество, которое закрепляет краску на ткани. Бывают разные протравы—квасцы, железный купорос, хромовые квасцы. Продаются они в москательных лавках.

В следующий раз в статье «Красильная фабрика» я вам расскажу, как протравлять ткань квасцами и как потом красить.

ЗАДАНИЕ ИНЖЕНЕРАМ-ПИОНЕРАМ

1. Заготовьте отвары из бересты, лука, сушеной черники, сушеной ромашки.

Работайте группами—вместе работать и легче и веселее.

Если хотите, попробуйте приготовить отвары и из других растений, которых в моем списке нет. Может быть, вам посчастливится открыть новые краски, новые оттенки.

2. Раздобудьте грамм 400 квасцов и столько же соды (порошковой). То и другое можно достать в москательной лавке.

В следующий раз будем красить.

ЧЛЕНЫ КИП'а!

В следующем КИП'е ваши изобретения! Читайте „КИП" № 9.

ЧИТАЛЬНЯ КИП'а

КИП получил из-за границы несколько последних номеров иностранных журналов. В них много интересного. Сообщаем вам самые любопытные новости.

1. Шестое чувство

Не так давно в Берлине состоялась лекция одного известного ученого. Лекция была об ультрафиолетовых лучах. Это невидимые лучи, которых много в солнечном свете, а еще больше в свете кварцевой лампы. Ультрафиолетовыми лучами лечат теперь больных. До сих пор никак не удавалось получить эти лучи в чистом виде, без примеси других лучей. Теперь, наконец, это удалось.

Зубы этого человека светятся в темноте.

Вот об этом-то и рассказывал ученый собравшимся. Во время лекции был сделан такой опыт: аудиторию осветили ультрафиолетовыми лучами. Картина получилась самая фантастическая.

Аудитория была погружена во тьму. И в то же время все вокруг светилось, мерцало таинственным светом, похожим на свет светляка.

Лица еще нестарых людей светились кирпично-красным цветом, лица стариков—зеленоватым.

Глаза, ногти, волосы сияли и мерцали тысячами оттенков—от зеленоватого до голубого.

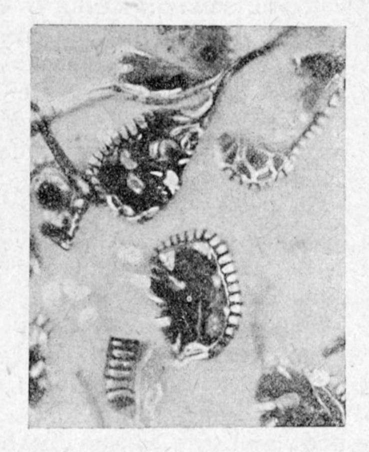
Настоящие зубы сверкали белым светом, а фальшивые горели всеми цветами: красным, желтым, синим, словно сигнальные огни в гавани.

Что же это за странное явление?

Это явление называется флуоресценцией. Вещи, освещенные невидимыми ультрафиолетовыми лучами, начинают сами светиться видимым светом. И разные вещи светятся поразному. Пользуясь этим, можно отличить здоровое тело от больного, фальшивый бриллиант от настоящего, настоящие деньги от поддельных. Выступают такие подробности, которых не увидишь не только простым глазом, но даже в самый сильный микроскоп. Мы видим то, чего никто никогда раньше не видел. Найден новый способ распознавать предметы. Это все равно, как если бы у нас появилось новое шестое чувство.

Споры папоротника под микроскопом, освещенные обыкновенным светом.

Споры папоротника под микроскопом, освещенные ультрафиолетовыми лучами. Сколько здесь подробностей, которых раньше не было видно!

2. Взрывчатый воздух

При прокладке дорог в горах нередко приходится взрывать скалы. Обыкновенно для этого применяют порох, динамит и другие очень опасные взрывчатые вещества. Теперь придуман способ почти безопасный. Скалы взрывают жидким воздухом.

Но разве жидкий воздух взрывчатое вещество?

Совсем нет. Сам по себе он никакой разрушительной силы не имеет. Посмотрите на снимок. Рабочие наливают жидкий воздух в железные банки. Опасностью тут и не пахнет.

Каким же образом жидким воздухом взрывают скалы?

Взгляните еще раз на снимок. Рабочие кладут в банки какие-то длинные цилиндры. Это—пористые патроны, сделанные из угля. Когда патрон достаточно пропитается жидким воздухом, его вынимают и закладывают в углубление, высверленное в скале. Чтобы произвести взрыв, мину поджигают, пользуясь для этого зажигательным шнуром. Жидкий кислород мгновенно соединяется с углем, получается сразу очень много углекислого газа и этот газ, вырываясь на волю, разбивает скалу вдребезги.

Рабочие наливают жидкий воздух в банки.

Каким же образом добывается жидкий воздух?

Для этого существуют особые машины, в которых обыкновенный газообразный воздух охлаждается до 180° ниже нуля и сильно сжимается. От этого он делается жидким.

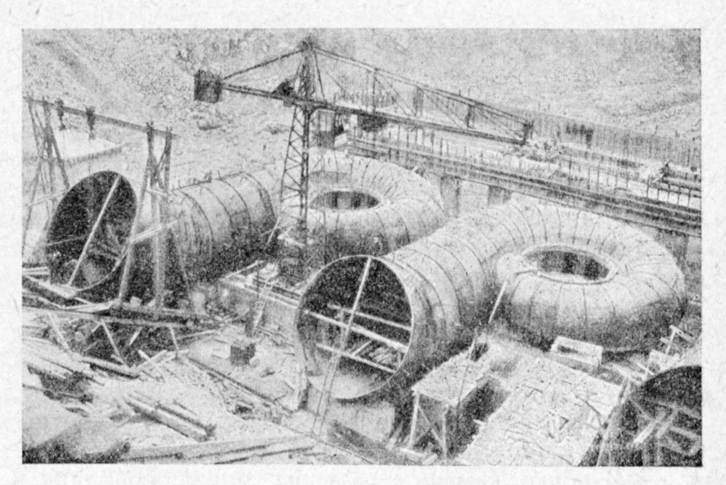
3. Гигантские раковины

На снимке две гигантские раковины. Точь в точь такие раковины у улиток, только, конечно, поменьше.

Это огромные турбины, самые большие в мире.

Установлены они на реке Шаннон, в Ирландии. Каждая турбина будет давать 38.000 лошадиных сил. Рабочее колесо турбины весит 20 тонн. И эта огромная масса будет вращаться, как какой-нибудь волчок, делая 150 оборотов в минуту.

Таких турбин ставится шесть штук. Осенью этого года они будут пущены в ход. Они будут снабжать электрической энергией всю Ирландию.

Это не раковины, а турбины.

Заведующий клубом инженер ИЛЬИН

Рассказы ЛЕСНИКА
Рис. Н. КУПРЕЯНОВА

Мне пришлось после долгой беззаботной жизни в столице попасть в самую глушь, в дебри провинции и не только посмотреть, но испытать ее многие и тяжкие неудобства.

Я лет двадцать служил в Петербурге, т. е. писал свои бумаги и заботу имел только одну—достать денег, остальное меня почти не касалось.

Откуда получаются овощи? Смешной вопрос: конечно из лавки. Заплатил и принесут. Как сделать, чтобы сливок в кофе было побольше? Очень просто: вместо гривенника выдать молочнице двугривенный. За обоями мышь скребется, тараканы в кухне появились? Надо сказать управдому, чтобы он устранил безобразие. Вот и все.

И вдруг совершенно другие условия жизни. Необходимо завести корову, кур, огород—иначе нет молока, яиц, овощей. Паразиты пачкают, кусают, отравляют... И защиты нет, никто не заступится. Собаку волки с‘ели. Как? Да так: прибежали, с‘ели и убежали. Пустяки—собака—у соседей корову зарезали.

Человеку, привыкшему лишь водить пером по бумаге, приходится сталкиваться с будничными заботами. То, что казалось чуть не забавой, было известно издали, по книгам, становится ежедневным неотложным делом. Тут интересно видеть, как, с одной стороны, железная рука необходимости заставляет избалованного удобствами горожанина приспособляться к суровой обстановке простой жизни, а с другой стороны, как тот же городской книжник, „наученный нуждой калачи есть“, невольно несет отблески вычитанных им знаний в глубину беспомощной темноты.

ОГУРЦЫ НА СЕВЕРЕ

— У нас огурцов нет,—сказали мне в Верхотурье, городишке за Уралом,—не такая здесь местность, чтобы огурцам быть.

— С осени, до морозов, татары привозят немного,—пояснили другие,—в парниках монахи также выводят, а запасов не делает никто: не растут здесь огурцы.

Вот как странно! Не то, что огурцы—первейшая потребность, не то, что они нужны или хотя бы очень уж так приятны, нет, совсем не то... Но как же так? Лето тянется три месяца, жарко, душно, солнечно, даже чересчур, нестерпимо светло, а огурца нет. Почему?

— В почве камень,—об‘яснил монах-огородник в монастыре,—оттаивает сверху на 36 сантиметров, а поглубже лед. Теплую гряду сделать, так все будет расти.

— Какую гряду?

— Теплую. Навоза положить, чтобы холодом снизу не пробивало, а сверху земли насыпать.

Мудреное ли дело? Я натаскал из хлева навоза, разровнял его слоем сантиметров восемь толщиной, засыпал землей и пригласил огородника посмотреть.

— Никуда не годится,—сказал он, смеясь,—ничего так не вырастет. Навоз должен быть не старый, а свежий: только такой даст теплоту. Вдвое толще наложить его надо, по крайней мере. Почва здесь плодородная, но гальки в ней слишком много.

— Неужели по камешку отбирать?

— Нет, прогрохотать. А сеянцы заготавливать умеете?

Я сознался, что не знаю ни сеянцев, ни того, как это прогрохотать землю.

Оказалось, что грохот—железная сетка, натянутая на раму. Ее ставят наискось и на нее кидают выкопанную землю: камни и мусор остаются на сетке, как на решете, чистая земля проваливается. А сеянцы—семена, выращенные дома в ящиках. На дно такого ящика, покрытое паклей, насыпают чисто просеянной мелко-комковатой земли и в нее за месяц до высадки в грунт сажают правильными рядами семена.

Я в точности исполнил все советы опытного огородника, и, когда сошел снег, высадил в толстую большую гряду около сотни отлично подросших сеянцев. Весеннее солнце севера жарило ярко и радостно было следить, как развертывались субчатые темнозеленые листья, тянулись длинные плети и покрылись множеством желтых цветов. Буйно шли в рост мои огурцы! Под некоторыми желтыми лепестками уже можно было найти завязь—маленький зеленый огурчик. Богатый урожай был близок.

После знойного душного дня в середине июня выдалась особенно ясная прелестная свежая ночь, на безоблачном небе ярко сверкали звезды. Утром гряда имела такой вид, будто ее опалило огнем: посеревшие, почерневшие плети скрючились, листья с‘ежились, почернели.

— Не прикрывали?—ласково спросил огородник,—вот грех какой. Позабыл я вам сказать, что с вечера прикрывать надо. Мороз ударил.

— Среди лета мороз?

— Да, бывает. Потому тут и яблоня не дает плода. Один раз хлопнет морозик—крышка.

— Дальше все холодней будет?

— Нет, так сказать нельзя. Может, до августа мороза больше не случится, а может быть и завтра опять. На нынешний год пропали ваши огурцы, делать нечего.

Пусть так, жалко. Но почему на сморщившихся почерневших плетях кое-где зеленые пятна? Вот эти завязавшиеся огурчики отваливаются, чуть до них дотронешься, а вот этот держится—уж не жив ли он, не уцелел ли, притаившись как-то от убийственно-холодной волны воздуха в морозном сумраке рассвета?

Я отрезал, очистил с гряды все черное, мертвое и оставил немногое, зеленевшее надеждой.

Сияли в нестерпимом блеске жаркие солнечные дни, случалось даже ноги томило истомой. Но я уже не верил, я, едва наступал вечер, тащил рогожу и тщательно прикрывал отродившиеся огурцы.

Не только соседи, идя мимо, смеялись, но с другого конца города знакомые и незнакомые нарочно приходили поиздеваться над усердной работой у почти пустой гряды.

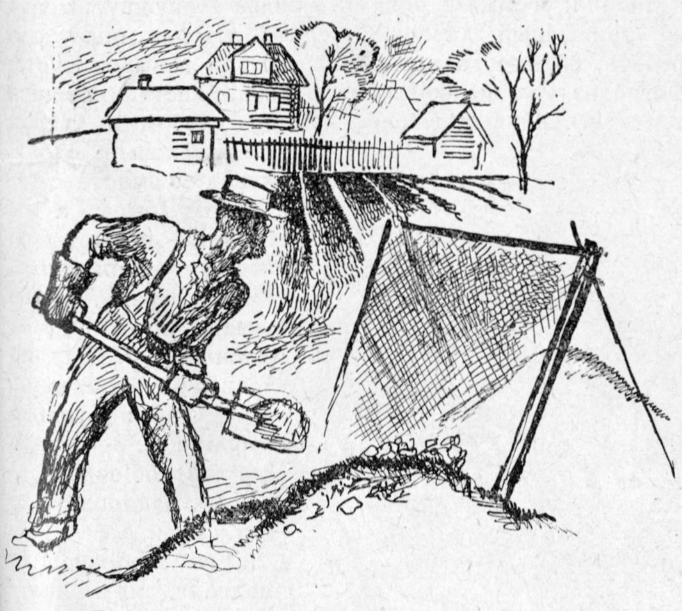
Десятка полтора кривых, преждевременно пожелтевших уродцев, собранных на одну тарелку, были моей наградой.

— Это—огурцы?—спрашивали меня,—может, это другое что?

— Бочек не надо ли,—предлагали другие,—соли сколько кулей?.. Доставим, если заготавливать будете. Скажите.

Но, несмотря на все насмешки, я не бросил своей затеи.

Теплая гряда в тридцать шагов длины легла перед моими окнами. Сеянцы, выращенные в ящиках,

Я в точности выполнил советы огородника.

переселились в мягкую толщу этой гряды при первых ясных теплых днях весны.

И новая потеха открылась для зубоскалов. Как только меркло солнце дня, как бы он ни соблазнял своей теплотой, из дома тащили половики, рогожи, мешки—гряда спала под одеялом все летние ночи. Утром покрышку снимали, уносили, вечером опять тащили. Это очень хлопотливо и скучно, но...

Я охотно дарил по десятку ровных блестяще-зеленых огурцов всем, явившимся полюбоваться на мою великолепную гряду.

— Не так щедро,—стеснялись, отказываясь посетители,—огурчик-два полакомиться пожалуйте, а то вам самим не останется.

— Не беспокойтесь,—отвечал я не без гордости,—вот две бочки заготовлены. Нам огурцов девать некуда.

Весной я осмелился высадить в гряду сеянцы не только огурцов—это теперь в руках, пустяки,—но и томатов. Гряду для них приготовили так же, как и для огурцов, лишь боковые колышки, служащие поддержкой для ночного „одеяла“, сделали подлинней, чтобы покрышка, провиснув, не сломала нежных высоких стеблей.

Мои томаты выросли, зацвели, завязались, начали быстро краснеть под палящими лучами.

Зрители толпились в изумлении, в восхищении перед невиданными здесь плодами.

Томаты созрели бы несомненно, но полного торжества огородника лишили козы: они как-то забрались табуном за решетку и сожрали всю зеленую поросль до корней.

Зимой я покинул Верхотурье, надо полагать, навсегда, а года через два-три узнал, что теплые гряды с покрышкой, действуя в нескольких огородах города, успешно дают огурцы там, где раньше никогда их не было. Я надеюсь, что дело дойдет и до томатов.

Овощей я не развожу давно никаких, но огородные успехи свои на севере вспоминаю с удовольствием.

КОРОВА-ЗВЕРЬ

Показывая мне беличьи шкурки, скупщик, торговавший всем, что под руку попадалось, спросил, не куплю ли я у него... корову? Его бабы выбились с ней из сил. Корова не только бодается, это еще куда ни шло, а лягается всеми копытами: как только ее доить, так она лягаться. Все это знают, никто ее не купит, придется на мясо продать. Он дешево уступит, коли я не испугаюсь.

— А не бьют ли корову-то?—спросил я.

— Бьют,—твердо ответил скупщик,—как же не бить, ежели она дерется? Палкой бьем, на цепь привязываем,—вот как надоело...

— Молоко у нее хорошее?

— На этот счет будьте спокойны. Эй, Дуня, дай-ка с погреба вечернего!

Я попробовал, убедился, что лучшего молока в жизни не пивал, и... вместо беличьих шкурок, купил корову.

Ко мне во двор привели ее на цепи, но в стойло пустили без всякой привязи. Через полчаса Аннушка, взявшаяся ходить за коровой, принесла ей кусок хлеба. Корова фыркала, таращила страшно глаза, угрожающе мотала головой, но хлеб взяла. Аннушка спокойно потрепала ее по голове между рогами и ушла, а через час вернулась, и Манька с‘ела новый кусок уже без фырканья. Ее большие уши живо двигались... Как же так? Ни цепи, ни палки, ни озлобленных криков. Приносят хлеб, так вкусно посоленный, так ласково твердят все время:

— Манька, Манечка, милая!

Корова дала себя подоить в первый же день, но не без хлопот. Она фыркала, топала, угрожала рогами.

ПРИЧЕСКА КОРОВЫ

Черная Манька была покрыта грязью от копыт до рогов так, что казалась бурой. Где она выпачкалась, я не узнавал, но решил ее почистить просто из-за

того, что на нее неприятно было смотреть. Однако напрасно поливали корову водой. Корове поливанье видимо нравилось—стояла жаркая погода. Но липкая глина держалась крепко. Когда же я прикоснулся к корове метлой—Манька рассердилась. Она стала бегать, и оборачивать на метлу рога.

Тогда я взял банный веник, почти лишенный листьев, и этим мягким голиком, стараясь не размахивать, стал легонько водить по бокам коровы от головы к хвосту. Корова фыркала, но стояла смирно.

Грязная, красноватая кожа ее виднелась сквозь скрученную тусклую шерсть. Я прощупал сквозь шерсть пальцем: кожа была горяча; значит корова была нездорова. Она перестала фыркать, но все время дышала часто-часто. Те места, где было больше грязи, я принялся мыть мочальной щеткой. А когда корова на солнце просохла, я опять водил по ее шерсти голиком.

На следующее утро корова очень охотно подставила свою спину под голик. Я хлопал и ерзал им по всем местам без особой осторожности—корова стояла, как деревянная.

Я растрепал конец ее хвоста—причесывать, так уж причесывать на славу!—и увидел, что весь хвост усажен клещами. Я смазал их керосином, густо намылил хвост и оставил так на ночь. Утром я обильно обмыл хвост; клещи отвалились, хвост стал много тоньше, и корова уже не вздрагивала, когда ее трогали. Она дышала ровнее.

Тщательно „пройти“ всю крупную корову веником—это очень утомительно.

Я взял метлу, провел ею по чистой гладкой спине. Корова—хоть бы что! Стоит очень довольная и спокойно жует кусок хлеба, принесенный ей моим сынишкой.

На следующий день корова явилась из хлева, едва я вышел с метлой на крыльцо. Она подставила спину, несомненно ожидая прически.

Черная шерсть ее стала блестеть, точно смазанная маслом.

Вся эта возня продолжалась пять дней. И когда шерсть коровы заблестела точно шелковая, корова вдруг прибавила молока.

Оно, может быть, вышло и не вдруг, но когда при том же корме удой увеличился в день бутылки на две, тогда нельзя уже было этого не заметить.

Корова фыркала, таращила страшно глаза.

ХОРОШИЙ ХАРАКТЕР

Недели через полторы бывший хозяин моей коровы спросил меня, не лягается ли она? Я только смеялся. Манька, возвращаясь с пастбища, подходила к кухне и, слегка мыча, особенным голосом выпрашивала у детей хлеба. На зов Аннушки Манька выбегала из стойла, из стада.

— Чудеса,—твердил скупщик,—характер у нее переменился. Зверь была, а не корова!

Нет, Манька только покорилась ласке. Свирепый характер у нее остался. Она это скоро доказала.

Пастух прибежал в ужасе: лучшая его скотина, корова лесничего, Манька, пропала. С полдень ее нет. Уж он искал, искал, все чапыги около пастбища облазил—никакого следа. Я разослал на поиски четырех об'ездчиков, сам пошел в лес. Легко сказать: найти корову, ушедшую с пастбища в Верхотурском уезде! Там маленькие сенокосные полянки встречаются редко. Они окружены почти непролазной лесной чащей, заболоченной, заваленной упавшими деревьями. Сквозь зеленую стену заросли там не видно ничего за десяток шагов. Корове обычно надевается на шею колокольчик, иначе пастух не может уследить за стадом. У Маньки, к несчастью, колокольца не было. Все искавшие к вечеру вернулись домой, повесив носы: пропала корова. Поиски продолжались еще два дня, на третий—корову нашла Аннушка. Она ходила по лесу, покрикивая:

— Манька, Манечка, милая!

Вдруг послышался густой басистый, как-будто звериный рев.

Черная корова, окровавленная, страшная, бешено топала ногами, прижимаясь хвостом к кусту. Она мотала головой и угрожала рогами. Увидев Аннушку, слыша ее привычный ласковый голос, корова перестала реветь, вздохнула и сделала два-три шага от куста. Тогда оттуда выскочил маленький, блестяще-черный теленок. Аннушка, угощая Маньку хлебом и твердя ей ласковые слова, увела ее вместе с теленком домой, а мы остались посмотреть, что тут произошло. Кровь, кровь, кровь везде, по взбудораженным кустам, по траве, по бурелому...

— Она не только отбилась, — сказал старый об'ездчик,— она его запорола! Это его кровь.

„Его“ обозначало медведя. Чем дальше в глубь леса, тем шире шел кровавый след. Через несколько дней за десяток километров лесная стража нашла и добила тяжело раненого медведя. У него был распорот бок, это сделали рога Маньки. А у нее оказалось разорванным в клочья ухо и навсегда остались глубокие царапины на спине, следы страшных когтей. Ухо, впрочем, зашили.

Героиня-корова, победившая медведя, дома продолжала вести себя смирно: являлась на прическу и, тихонько мыча, выпрашивала у детей хлеба. Она свирепствовала лишь тогда, когда на нее нападали.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЗЕТАМ

Очерки газетного путешественника Л. КАССИЛЯ
Фото Пресс-клише.
Рисунок А. КАНЕВСКОГО

МАЙСКИЕ ЖУКИ

1 мая на Красной площади в Москве, на всех площадях всех городов, на всех улицах всех сел и деревень школьники и трудящиеся всех цветов и национальностей вышли приветствовать праздник международного единения пролетариев.

Но май встречали в разных местах земного шара по-разному. У нас советское правительство принимало участие в трудовом празднике. За рубежом министры сидели, дрожа, в своих дворцах, забаррикадировав на всякий случай дверь, закрыв ставни, спустив жалюзи.

В Москве Красная армия вышла на парад, чтобы показать трудящимся, как она вооружена, обучена и насколько она готова защищать, если понадобится, страну освобожденного труда. В городах Европы армии тоже вышли на улицу.

— И, как один, умрем за власть Советов, — пели красноармейцы.

— По наступающей толпе пальба... взводом.

(Так пели трубы горнистов рейхсвера, германской социалдемократической полиции, правительственных войск буржуазной Европы.)

... Пли!

. . . .

Тучи свинцовых „майских жуков“ понеслись жужжа в толпы рабочих, женщин, детей. Тысяча полицейских пуль расстреляла весну в Европе. Кровавое половодье!.. Ливень слез, град проклятий убийцам прошел над Европой.

В Париже, в Варшаве, в Берлине.

Расстрелом рабочих в Берлине руководил храбрый социал-полицейский Цергибель. Цергибель — член социал-демократической партии. Эта партия, партия, расстреливающая рабочих, имеет наглость считать себя рабочей партией. Ее, „цергибельную“ кличку, надолго запомнят рабочие всего мира. Это самый отвратительный, белый, жирный майский хрущ кровавой европейской весны.

На-днях хоронили рабочих, убитых Цергибелем.

Волны возмущения, ропот протестов бушуют во всем мире.

Подлым „майским жукам“ из полицейских винтовок не удастся об'есть свежие побеги мировой рабочей солидарности.

1 мая в Берлине. Социал-демократическая полиция разгоняет демонстрации.

О ШТАТЕ ОГАЙО И ГОРОДЕ РОСЛАВЛЕ

Чарли Тоббс был лучшим учеником одной из школ штата Огайо Северной Америки. Он был смугл, курчав и великолепно играл левого хава в сборной футбольной команде школьников штата. На последнем матче с приезжей командой из Детройта он так „закрыл“ правого края, лучшего игрока противной команды, что команда Детройта не смогла забить „огайцам“ ни одного голя и проиграла матч со счетом 0:4. Последний мяч ухитрился забить из толкучки у ворот сам Чарли Тоббс.

Чарли был любимцем товарищей и учителей. Он много читал и всегда знал гораздо больше, чем было задано. Когда школу навещал губернатор штата, Чарли Тоббса всегда вызывали к доске, чтобы блеснуть перед начальством таким замечательным школьником. Чарли Тоббс был гордостью школы.

И вдруг произошла ужасная катастрофа... Словно гром грянул в школе. Мальчики перестали здороваться с Чарли. Они избили его на улице. Они отказывались сидеть рядом с Тоббсом. Чарли исключили из футбольной команды. С Чарли никто не разговаривал. Учителя не вызывали Чарли. И, наконец, школьники „забастовали“, требуя исключения Чарли Тоббса из школы. Приехал губернатор, тот самый, что восхищался всегда знаниями Чарли.

— Здравствуй, Тоббс, — начал он, протягивая руку Чарли, — ну, что тут у вас нового?

Но директор школы, юля и нервно хихикая, поторопился предупредить губернатора:

— О, это такой негодяй. Он оказался не чистокровным янки. Он, простите за выражение, почти... негр. Его мать, оказывается, негритянка. Этот желтокожий мерзавец, эта лимонная корка, этот жидкий кофе — оказался мулатом.

— Ах! — воскликнул, негодуя, губернатор и поспешно отдернул руку, — а я и не знал. Но, признаться, мне никогда не был по душе этот лиловый выскочка.

— Лентяй, дерзок и нерадив, — убежденно подтвердил директор.

Чарли Тоббса исключили из школы. Сын негритянки не имеет права учиться в одной школе с белыми

сыновьями фермеров, торговцев и чиновников. И вот только за то, что у Чарли кожа была немножко темнее, чем у других, его, лучшего ученика и чудесного парнишку, затравили товарищи и выгнало начальство.

В нашей громадной Советской стране живут десятки освобожденных народов. Русские, украинцы, белоруссы, грузины, армяне, татары, мордва, тунгусы, черемисы, чуваши, самоеды, монголы, китайцы, немцы, узбеки, киргизы, буряты, коми, поляки, цыгане и еще, и еще, и еще. Все они, если трудятся, равны перед советским законом. Все они имеют совершенно одинаковые права на жизнь и труд в Советском государстве. В наших школах сидят рядом за одной партой дети народов СССР.

Стыдно писать об этом, даже чернила у меня покраснели, но надо писать. И у нас, в СССР, есть еще ребята, думающие, что человека „по носу видно“. Вот вам грустные примеры.

В Рославле в школе II ступени пионер Щербаков, подговорив нескольких ребят, бросился на учащихся евреев с криками:

— Ребята, бей жидов! Я первый иду на это дело!

В г. Сталине, в школе № 8, ученики с камнями в руках и криками „бей жидов“ выступают против еврейской школы, находящейся напротив.

Есть у нас еще и учителя, похожие на директора школы в Огайо.

Тот не любит и преследует негров. Эти ненавидят и всячески издеваются над евреями. Так в последнем классе школы II ступени в Снегиреве учитель дразнит учеников-евреев „иудушками“, а в классе сидят комсомольцы и вместо того, чтоб осадить учителя-антисемита, ржут, довольные остротой.

Допустимо ли все это в Советской стране, где все трудящиеся, какого бы цвета они ни были, какой бы формы ни были их носы, равны? Это царское правительство всячески разжигало в России вражду между народами, науськивало русских на евреев. Это было выгодно царю. Народы грызли друг другу горло и забывали про революцию.

Народы СССР — братья и сотрудники, как братья и сотрудники пролетарии всего мира. Чарли Тоббс сможет найти настоящих друзей у нас, в нашей единой трудовой школе. А всех, кто будет подражать белым франтам из штата Огайо, мы выкинем вон. Приезжай к нам, Чарли Тоббс. Белые, коричневые, желтые, курносые, светловолосые, крючконосые, узкоглазые, широколицые, скуластые и румяные школьники СССР ждут тебя.

КУРАМ НАСМЕХ

Жили-были дед да баба. Бабу звали миссис Уайт Легрон. Жили они в Америке. Была у них курочка Ряба. Снесла она яичко, да не простое и не золотое, а особенное. Замечательное яйцо! После известного яйца, которое заставил стоять стоймя на гладком столе остроумный Христофор Колумб, открывший Америку, яйцо американской курочки Рябы—самое знаменитое. Подумайте сами! Снесла Ряба яичко, а на его скорлупе, если приглядеться—две буквы. Выпуклые, едва заметные.—„h. h.“ (По-английски—„х“ но английское „х“ читается почти как г).

Возликовала курицына хозяйка, миссис Уайт Легрон.

— Батюшки!—кричит,—„h. h.“... Это же значит, Герберт Гувер! Значит сам бог хочет, чтобы избрали Гувера.

И побежала по городу Шерману, где она жила, сообщить всем о чуде.

Через день в Американских Соединенных Штатах начинались выборы президента. Газеты очень обрадовались чуду в курятнике, Они писали:

„Уважаемая и почтенная птица из семейства кур, принадлежащая уважаемой и почтенной миссис Уайт Легрон из штата Техас, благополучно разрешилась вчера от бремени чудесным яйцом, на скорлупе которого ярко выделяются две буквы „h. h.“, что, конечно, обозначает: Герберт Гувер. В этом видна рука божья. Бог голосует за Гувера“.

У яйца выставлен почетный караул. Курица-мать чувствует себя превосходно.

Голосуйте за Гувера! За него сам бог и куры!

Экстренная телеграмма! В последнюю минуту!

Сейчас получено сообщение, что известная курица миссис Уайт Легрон снесла еще одно яйцо. На скорлупе яйца ясно видны буквы, к сожалению, неизвестного нам алфавита. Вызваны крупнейшие ученые, лингвисты, языковеды и знатоки иероглифов. Один из присутствовавших осмелился утверждать, что знаки на яйце не что иное, как полосы грязи, за что и был едва не растерзан толпой, хотевшей расправиться с ним судом линча. Полиция выяснила, что арестованный женат на троюродной сестре одного коммуниста.

„Подавайте голоса за Гувера!“

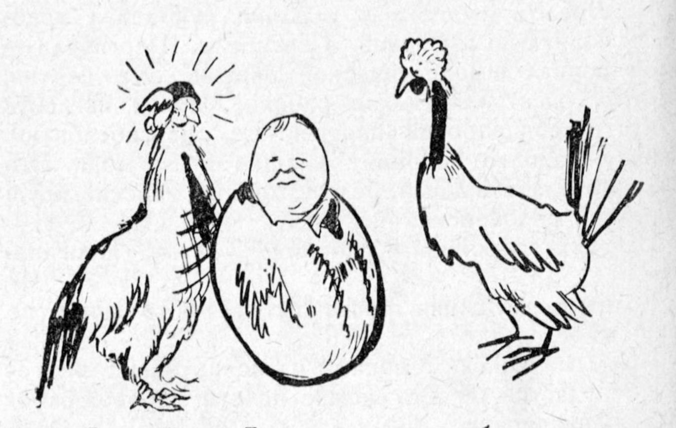
Гувер был избран президентом Соединенных Штатов. Знаменитая курица и меченное богом яйцо переданы в музей республиканского клуба. Как говорится, дорого яичко к выборному дню! Яйцо это, вероятно, давно протухло, стало „болтуном“, как говорят. Тем не менее республиканские болтуны не забывают о своем тезке.

Недавно на одном рабочем митинге представитель республиканской партии увещевал рабочих любить мистера президента и доказывал, что сам мистер бог избрал мистера Гувера президентом. В зале потух свет и на экране появилось знаменитое яйцо с инициалами президента. „h. h.“—Герберт Гувер.

— Вот!—распинался республиканский оратор!— Вот! Это разве не чудо! Вот, читайте... Х... Х...

И рабочие, заполнявшие зал, прочтя английское „х“ на этот раз с русским почти произношением, загрохотали во все горло:

— Ха-ха!.. Ха-ха!.. Ха-ха!..

Голосуйте за Гувера: за него сам бог и куры.

КТО КЕМ ХОЧЕТ БЫТЬ

Почему смеются над будущими кино-актерами? Александр Фролов будет машинистом. Зуйков починил испорченные часы. Луиза Литвинова открывает цирк из беспризорных. Читатели! Ваше мнение о цирке Литвиновой.

НАД НАМИ СМЕЮТСЯ

Мы читали письмо Шуры Климовой и решили тоже написать, кем мы хотим быть. Мы хотим быть кино-артистами. Только мы не хотим разбогатеть, как Шура Климова, а просто у нас есть к этому делу большое стремление. Над нами почему-то ребята смеются, а вожатый говорит, что лучше быть техником, механиком или инженером. А нас эти дела совсем не интересуют.

С. Ранчеев и В. Искров

Ленинград

БУДУ МАШИНИСТОМ

Я очень хочу сделаться машинистом, и очень много об этом думаю. Я окончил школу первой ступени и из-за плохого материального положения не смог учиться дальше. Но я зато читаю много книг и журналов о машинах. Однажды я попал на электростанцию и долго смотрел, как там работают машины.

Плохо, что я не знаю, что мне делать для достижения поставленной цели. Я бы хотел учиться на машиниста в Москве и прошу редакцию помочь мне в этом деле.

Александр Фролов

Пос. Юрьино

САМ СЕБЕ ДОКТОР

Я очень люблю разбирать разные машины и узнавать их устройство. Однажды я раздобыл старую бабушкину швейную машину и стал ее чинить. В результате челнок стал двигаться. В другой раз мне в руки попали попорченные часы—я повернул какую-то пружину, и они пошли.

И вот, когда я вырасту, то хочу сделаться инженером-механиком. Но иногда мне хочется стать доктором по болезням уха, горла и носа. Мне делали несколько операций в носу и горле и мне хотелось самому себе сделать операцию.

Есть еще одно дело, которое мне кажется очень интересным: сделаться летчиком. Наверно, очень приятно летать в облаках, управлять аэропланом и смотреть сверху на людей и дома, которые будут казаться маленькими точками.

Г. Зуйков

Москва

ПИОНЕРКА ЛУИЗА ЛИТВИНОВА ОТКРЫВАЕТ ЦИРК

Мне четырнадцать лет, я кончаю школу первой ступени и во вторую ступень я переросла. Поэтому я решила сделаться акробаткой. Свое решение я уже давно начала исполнять: моя спальня похожа на цирк—там у меня находятся палки, обручи, натянуты разные веревки и повешены кольца.

Я решила сделать так (конечно, когда вырасту): буду работать в цирке, заработаю много денег и работу брошу. Куплю себе хорошенький домик, рояль, трюмо, много ковров, кресел, диванов, огромную кровать и под потолок подушек. Потом найму несколько служанок: кухарку, прачку, дворника. Открою свою баню. В доме у меня будет телефон, радио и фисгармония. И я буду всегда развлекаться.

Но вы подумайте, как же я буду дальше жить,—ведь я все деньги, которые заработаю, растрачу?

Я сделаю так: куплю большой дом, наберу беспризорников и буду их учить акробатике. А потом открою свой цирк, в который будут ходить зрители, и я буду получать деньги.

Пионерка Луиза Литвинова

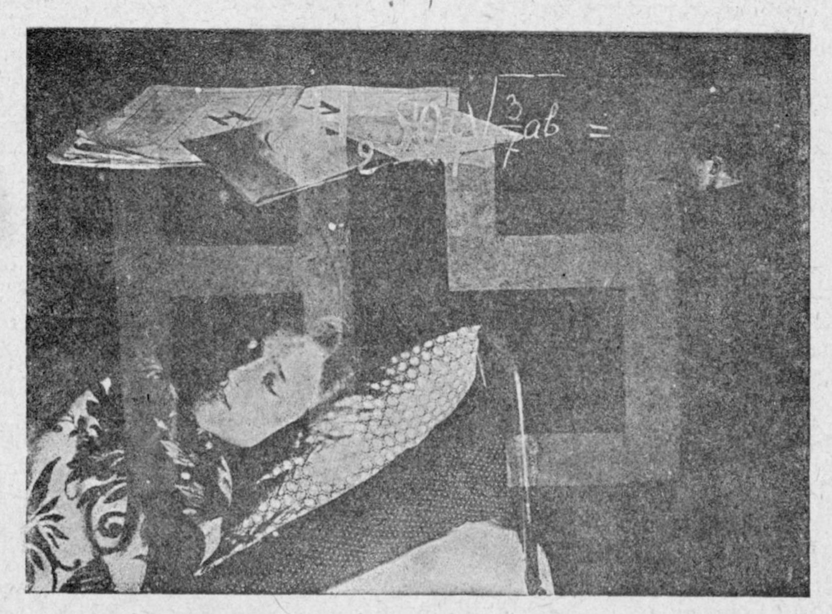
Ст. Павловск

Деткор В. Остков прислал на конкурс свой рисунок «Беспризорные». Как вы думаете, должны ли беспризорные помогать Литвиновой получать деньги?

Цена 20 коп.

ФОТО ЗАГАДКА

Кто изображен на этой фотографии?

— Ну, конечно, школьник перед зачетами. Спит и видит грозное „НУ“, сердитого учителя и себя у доски, химическую формулу, алгебраическую задачу и классный журнал.?

Жуткая картина!!! Правда?

Вот московский деткор Игорь Шепелев и решил сфотографировать этого школьника вместе с его сном и... сфотографировал!

Неужели можно фотографировать сны!?

— Оказывается можно (см. фотографию). И вы тоже смогли бы это сделать.

— Как же это делается?

А вот догадайтесь, а потом присылайте свои догадки в редакцию.

Москва. Главлит А 38.866. Изд. № 3.444. „Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9. 37.000 экз.